

Анна Шнайдер

Сколько ты стоишь?

<https://litres.ru/74204719>

Аннотация

Можно ли исправить фатальную ошибку? Илья Берестов думает, что нельзя. Можно ли простить мужчину, который перепутал тебя с "девушкой на заказ" и совершил насилие? Варя Михайлова тоже думает, что нельзя. Но... вдруг они ошибаются?

ВНИМАНИЕ читателям! Из аннотации и первых сцен понятно, о чём будет книга. Если вы категорически против подобных тем - не читайте. Я предупредила))

Содержание

1	4
2	14
3	27
4	31
5	35
6	43
7	52
8	58
9	62
10	65
11	71
12	78
13	85
14	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

1

Если бы Варя Михайлова жила в сказке, она была бы Золушкой.

Нет, к сожалению, у неё не имелось никаких фей-крёстных. Обыкновенная крёстная была, но жила она не в чертогах фей, а в Санкт-Петербурге. И у неё вряд ли получилось бы даже хорошенько подпрыгнуть, не то что взлететь.

И сестёр не было. Зато был младший брат — восьмилетний нервотрёпик, которого Варя прозвала Дятлом за исключительные умения клевать её мозг до победного конца.

Зато у Вари была мачеха. Нет, вовсе не злая, и не сказать, чтобы ведьма. Обычная такая мачеха, среднестатистическая. Падчерицу она свою не любила, но считала полезной в хозяйстве, почти как стиральную машину или пылесос. Только стиральная машина или пылесос способны выполнять лишь одну функцию, а Варя умела многое.

И был отец. Не лесоруб, и даже не лесничий, а преподаватель языкознания в одном из столичных вузов. Именно от него Варя унаследовала абсолютную грамотность, но вместе с ней и стремление иногда коверкать слова, говорить неправильно. Отец Вари был настоящим фанатом «олбанского» и на полном серьёзе писал родным и близким письма, начинающиеся со слова «превед».

А ещё Варя, как настоящая Золушка, мечтала выйти за-

муж за принца. Но увы, ей, в отличие от Золушки, исполнилось уже двадцать восемь лет, и она чётко знала, что реальная жизнь сильно отличается от несбыточной мечты. И принцы женятся только на таких же принцессах, а до Золушек им, как правило, нет никакого дела.

— А-А-А-А-А!!!!

— Бл**! — заорала Варя, подпрыгнув на постели и непроизвольно швыряя подушку в пространство. Конечно, нехорошо ругаться матом при младшем брате, но весьма трудно сдерживаться, когда этот самый брат орёт тебе в ухо, а ты в это время ещё сон досматриваешь.

Кеша гнусно засмеялся, плюхнулся на пол и забрался под кровать.

— Не достанешь, не достанешь! — закричал он оттуда, стуча по дну руками и ногами. А может, и головой...

— Дятел, ты с ума сошёл? — спросила Варя, соскочив с постели и пытаясь поймать братца за дёргающуюся ногу. — Там же грязно! Четыре дня как не пылесосила! А ты ползаешь...

Нога была поймана, и секундой спустя взору Вари предстал взъерошенный Дятел, хихикающий и сразу после этого смачно чихающий. К носу его прилипла пыль.

— Ну и какого рожна ты туда забрался, чучело? — вздохнула девушка, поднимая брата на ноги и отряхивая его лицо

и одежду. — Лучше бы просто убежал.

— Импровизация, — заявил Кеша и вновь чихнул.

— За подобные импровизации тебе светят пожопедации, понял? Мама и папа где?

То, что никто из них не прибежал на крики, было удивительно. Выходной вроде, оба должны быть дома...

— Папа пошёл к врачу, у него с утра ухо болело. И мама тоже ушла. Она сказала, что ты меня сама отвезёшь на танцы.

«Вот сучка».

— Угу. И поэтому ты решил не давать мне спать с утра пораньше?

— Уже девять! И вообще, мне ску-у-у-у-учно! — завыл Дятел, вырвался из рук Вари и рванул вглубь квартиры. Девушка вздохнула и поспешила следом.

Ирина, конечно, гадина. Варя вчера спрашивала мачеху, что насчёт танцев Кеша, получится ли с утра поспать или не получится. И та ей на голубом глазу заявила: спи, деточка, спи. Да чтоб тебя...

— А что мы будем кушать? — Дятел уже сидел на табуретке и требовательно болтал ногами.

— Ты ещё и не кушал?

— Мама дала мне хлопьев.

Прекрасно, просто восхитительно. Ирина, следя за своей идеальной фигурой, совершенно не желала помнить, что в доме живут ещё несколько человек, которые не хотят вместе

с ней на завтрак есть хлопья, на обед — хлебцы, а на ужин — сухарики.

Варя, конечно, утрировала: Ирина питалась не одними сухарями, просто она не любила готовить. Человеком-плитой в доме была Варя. Ей это, конечно, нетрудно, но нельзя же настолько нагнать! Могла бы сыну хоть пару яиц сварить...

— А чего ты хочешь, Дятел?

— Блинчиков! Или сырников!

Ну конечно. Можно было и не спрашивать...

— Нет, Кеш, это мы не успеем. Нам выходить через сорок минут, а я ещё даже не умылась. Яичницу будешь? Или омлет?

Брат скривился.

— Ладно, давай свою яичницу.

Варя фыркнула и почала к холодильнику. Нужно шевелиться: если Дятел опоздает на танцы, то и сам расстроится, и Ирина будет потом недовольно морщить свой изящный носик.

Так что сама Варя о завтраке даже и не мечтала. И хотя желудок уже начинал жалобно стенать, девушка его привычно проигнорировала. Поест, пока Дятел будет на занятиях отплясывать. Не в первый раз.

Бывают люди, которые очень любят водить машину. Варя, к сожалению, не относилась к подобным счастливицам:

водить она ненавидела, но делала это хорошо. Наверное, потому что часто.

Дятла постоянно требовалось куда-нибудь отвезти или откуда-нибудь привезти. То в школу, то из школы, то на танцы, то с танцев, то в магазин за обувью или одеждой, то «Ва-а-арь, а давай просто покатаемся!».

С Кешей у них была взаимная любовь с первого взгляда, и Ирина этим беззастенчиво пользовалась. Бесплатная няня, на которую всегда можно положиться, — прекрасное приобретение! Кто из мачех мог бы похвастаться такой замечательной и безотказной падчерицей?

Нет, Варя, конечно, умела отказывать. И огрызаться, и грубить, и посылать трёхэтажным матом. Но, когда речь шла о Дятле, она таяла и была готова на всё.

Подобной абсолютной любовью Варя любила только маму. Может быть, папу тоже, но совсем в глубоком детстве. И вот, когда ей было двадцать, она по уши влюбилась в маленького гукающего младенца. Дятел рос, и вместе с ним росла любовь Вари. Она прощала Кеше все его шалости, возилась с ним больше, чем родители, и всячески баловала.

Привязанность самого Дятла к сестре была ничуть не меньше. Компании матери и отца он однозначно предпочитал компанию Вари и только радовался, когда оставался на её попечении. И она этому ничуть не удивлялась. Ирина не слишком любила манеру сына болтать без умолку, а отец так уставал на работе, что постоянно отключал внимание и на

любой вопрос Кеши только угукал. Мальчику это, конечно, не нравилось. Ему хотелось диалога и общения, но получить их он мог лишь с Варей.

Вот и сейчас, забравшись в автомобиль, Дятел моментально затарaxтел. Обо всём на свете: о книжке, которую закончил читать, и о том, как папа накануне принёс набор с инструментами и разрешил вместе их рассматривать...

— Кстати, — Кеша вдруг задумался, и Варя поняла: за этим последует очень важный вопрос, — а что такое она-низм?

Девушка едва руль из рук не выпустила.

— Только не говори, что не загуглил.

— Забыл.

— А где ты это услышал?

— Ну... вчера двое дяденек у подъезда разговаривали. И один из них сказал другому, что тащить холодильник на десятый этаж при неработающем лифте — настоящий она-низм.

— Какой милый дяденька. А больше он ничего не сказал?

— Неа. Он хотел сказать другое, что-то на «е». А потом увидел меня и исправился.

— Да... очень милый дяденька.

— Ну, так что?

Варя на секунду задумалась.

— Знаешь, Дятел, он это слово в переносном смысле использовал. Помнишь, как мы с тобой целый час математи-

кой занимались на той неделе, и ты сказал, что задолбался, как настоящий дятел? Вот и тот дяденька подразумевал то же самое. А слово не совсем хорошее. Обозначает... одну неприятную... болезнь. — Эх, ну почему Дятел не задаёт такие вопросы Ирине?! Вот бы она порадовалась... — Бывают такие люди, которые любят трогать свои половые органы. Про них и говорят: онанисты. Но ты так никому не говори, хорошо? За подобные слова могут и в лицо кулаком дать.

Кеша кивнул.

— Ага, хорошо. Не буду говорить. Я уже понял, что это что-то нехорошее. Пришёл когда, спросил у папы, а он аж побагровел. Можно подумать, я у него спросил не про онанизм, а про секс.

Варя крикнула и закашлялась, чтобы не заржать.

— Дятел... а ты знаешь, что это такое?

— Конечно, — восьмилетний ребёнок гордо вскинул голову, — это такая любовь. Тайная. И очень-очень сильная. Прямо до драки!

— Ы-ы-ы, — провила Варя, чуть не врезавшись в машину, что ехала перед ними. — Да, толковый словарь Даля отдышает... Ты папе с мамой только этого не говори.

— Да с ними поговоришь, — пробурчал Дятел, вздыхая. — У них чего ни спроси — не отвечают. Вот я недавно хотел узнать, что такое дефлорация. По телеку услышал. Так папа закашлялся и сбежал от меня в туалет вместе со своим журналом.

— Ага... И кто же тебя просветил по этому поводу?

— Да Вика с танцев. Сказала, что её сестра ходит раз в несколько месяцев на эту дефлорацию в салон. Оказывается, это удаление лишней шерсти! Только я не понял, где эта лишняя шерсть... И Вика тоже не понимает.

— Ничего-ничего, — утешила брата Варя, — вырастете — поймёте.

— Мне кажется, когда я вырасту, мне это будет уже не так интересно, — задумчиво протянул Дятел. — Взрослые вообще какие-то нелюбопытные. Вот я вчера у папы спросил: интересно ли ему, что будет, если в суп бросить петарду? И он ответил «нет». Как так?

— Нет уж, Дятел, — строго сказала Варя. — Никаких петард в моём супе. Понял?

— Да ладно. Я просто пошутил.

Перед тем как позавтракать в кафе, Варя решила сделать ещё кое-что. Такая у неё была привычка — сначала дела, а потом завтраки-обеда-ужины.

Варя хотела, пока каникулы, поводить брата к репетитору. У Кеши, к сожалению, способности к математике были точно такие же, как у неё самой — то есть их практически не имелось. И педагогических талантов Вари не хватало, чтобы объяснить ему даже самую элементарную вещь. А ведь он только второй класс закончил...

Варя считала: если упустить обучение ребёнка с самого

начала, потом исправить будет очень сложно. Одна коллега посоветовала преподавателя математики — мужчину, который к тому же жил недалеко от центра, где Кеша занимался танцами. Очень кстати, не придётся далеко возить — танцы два раза в неделю, и математикой Дятел может заниматься в те же дни. Удобно.

Но прежде чем приводить к этому незнакомому мужику, пусть и преподавателю, своего брата, Варя решила поговорить с ним сама. И раз уж она нежданно-негаданно сегодня оказалась здесь...

Приятный мужской голос по телефону продиктовал ей адрес и сказал, что можно зайти хоть сейчас. Варя записала всё на бумажке и, изучив в смартфоне карту, обрадовалась: идти всего-то пять минут!

Вот только перед самым подъездом девушке стало плохо. Ерунда, ничего особенного, обычное головокружение. С ней такое иногда случалось из-за перепадов давления, и она давно научилась не обращать внимания на подобные мелочи. Тем более сейчас было понятно, в чём дело, — не ела ведь ещё...

Опираясь на стены, Варя дошла до четвёртого этажа. Пешком — лифт, как в истории Дятла, не работал. И вроде невысоко, но, когда голова кружится, очень уж тяжело.

Отдышалась и достала из кармана бумажку с адресом. Нахмурилась, изучая собственный неразборчивый почерк.

— Вот говорил тебе папа: Варя, учись писать нормально,

а не как курица лапой... Блин, ну какая это цифра? Пять или шесть? Ох...

В конце концов Варя решила: ладно, позвоню для начала в пятьдесят пятую квартиру, если не туда попала — извинюсь. Уточнять номер по телефону не хотелось. Что о ней подумает этот уважаемый человек, если он десять минут назад продиктовал ей свой адрес? Правильно — что она идиотка. Не хватало ещё, чтобы о ней так думали.

Поэтому Варя, вздохнув, позвонила в пятьдесят пятую квартиру.

За дверью раздались шаги...

Илья Берестов никогда не относил себя к хорошим мальчикам. Даже до травмы, полностью перечеркнувшей спортивную карьеру, правильным он не был. Не был, конечно, и неправильным — не пил, не курил, не кололся. Хотел же стать футболистом; какие уж тут наркотики и прочие радости жизни. Но увы, не получилось.

Когда тебе в семнадцать лет вдруг говорят: извини, брат, но Бекхэма теперь из тебя не получится, забудь и даже не думай, — мир переворачивается с ног на голову. Расстройство, растерянность, абсолютная дезориентация... Было не круто, да. Кроме того, как будущий футболист, учился Илья... ну не сказать, чтобы хорошо. Средненько. Пришлось срочно нагонять и так же срочно решать, что делать дальше.

Смешно сказать, как Илья определил свою судьбу. Записал на бумажках более-менее понравившиеся ему вузы с профессиями, закинул в кепку, перемешал, закрыл глаза — и вытащил.

Вот так он и стал юристом. Повезло: когда начал учиться (поступив, признаться, не без труда), осознал, что всё не так уж и плохо. Футбол, конечно, лучше, но и юриспруденция тоже ничего.

Произошедшее не могло не оставить след в его душе. И Илья, усмехаясь, признавал: натоптали там основательно. Крепкий, красивый парень, и вдруг в одночасье — почти инвалид. Кого угодно пробило бы.

Берестов стал жестче, циничнее. Благо и профессия способствовала: мягкотелый юрист — плохой юрист. И по-прежнему до крайности привлекательная внешность, и куча девчонок, крутившихся вокруг него даже несмотря на травму. Неинтересно и скучно.

А потом Илья ухитрился подцепить от одной дуры интимную болячку и с тех пор — было это лет пять назад — здоровьем своим ради случайных связей не рисковал. Потому предпочитал не искать себе одноразовых девочек в ночных клубах, где таковыми можно хоть грузовой вагон забить, а заказывать у проверенного «поставщика».

С Адамом (имя, конечно, вымышленное) Берестов познакомился случайно. В качалке, куда Илья пару-тройку раз в неделю навещался, чтобы не терять форму. Познакомился, пожаловался на свою интимную проблему и с удивлением узнал, что Адам, оказывается, не просто Адам, а ещё и «поставщик» самых разных Ев. На любой вкус. А главное — все его Евы были проверенные, чистенькие и здоровые.

Так что пару раз в месяц Илья баловал себя хорошенькой безотказной девушкой и ничуть этого не стыдился. А чего, собственно, стыдиться? Он не насильник и не убийца, а то, что девочке нравится получать за секс деньги, — её пробле-

ма.

Имелась у Берестова и ещё одна особенность, о которой Адам был прекрасно осведомлён. Хотя нет, особенностей было две. Во-первых, Илья любил девушек в теле: сиськи, попа... чтобы было за что схватиться, в общем. А во-вторых, обожал, когда эти самые девушки изображали сопротивление.

Он сам понимал, что такое поведение нравится ему из-за травмы. В жизни инвалид, в постели доминант — одно уравновешивает другое. Правда, никаких плёток Илья не использовал, и ремней тоже. Хотя нет... ремни были, но только для фиксации. Боль Берестова не возбуждала.

Последние несколько недель его жизни оказались непростыми: в рекламной фирме, где он работал, поменялся генеральный. И всё бы ничего — какое ему дело до больших боссов, — но этот хлыщ решил урезать всем зарплату. Отличный способ избавиться от людей, не сокращая штат. Так-то компенсации платить надо, а тут все сами сваливают, сверкая пятками. Вот и Илья тоже свалил — правда, отработывать заставили по полной, выжав все соки, что могли.

Парочку недель отдохнуть — и можно будет искать работу. А пока стоит побаловать себя и оторваться с хорошенькой девочкой.

Час назад Адам принял заказ на «сисястую блондинку», уточнил, должна ли она играть в сопротивление, и, получив утвердительный ответ, заявил, что девочка приедет в тече-

ние трёх часов.

Когда раздался звонок в дверь, Берестов мылся под душем. Илья слегка удивился: надо же, она пришла гораздо раньше, чем он рассчитывал. Но ничего, и так неплохо.

Быстро нацепил на голое тело домашние джинсы — трусами пренебрёг, в нынешней ситуации это лишняя деталь, — и даже толком не вытерся, выскочил в коридор, как был, с голым торсом, на котором блестели капли воды. Сам знал, что выглядит как модель из женского порножурнала, но это и к лучшему. Девочки у Адама к подобным вещам очень чувствительны, их не приходилось по полчаса доводить до кондиции — они возбуждались от одного вида Ильи. И это его абсолютно устраивало. Сухой секс он не любил, лубриканты терпеть не мог. Ещё и поэтому девочки Адама были элитными — они умудрялись очень быстро возбуждаться. Может, конечно, у них был какой-нибудь секрет, но Илью это не колыhalo. Чужие профессиональные тайны — не его дело.

Щёлкнув задвижкой, Берестов открыл дверь. И застыл, разглядывая присланную Адамом девочку.

У него даже дыхание перехватило. Светлые волосы пшеничного оттенка, заплетённые в толстую косичку, перекинутую через плечо, несколько кудряшек возле лба. Голубые... не глаза, а глазищи — большие, широко раскрытые, и в них — безграничное удивление. Ямочки на чуть пухлых щеках, совершенно прелестные губы, и кожа на лице белая-белая, свеженькая. Где Адам такую откопал?! Выглядела она не как

элитная шлюха, а как девственница.

Но больше всего Берестову понравилась грудь. Под светло-голубой блузкой скрывался размер... примерно четвёртый. Или даже пятый. Две бомбочки. То, что надо.

И бёдра тоже ничего, мясистые... Есть за что схватиться, это точно.

— Прекрасно, — кивнул Илья, хватая девушку за руку и заводя в квартиру. Захлопнул и закрыл дверь, поставил на банкетку её сумку, а затем вновь взял эту... Еву за руку и повёл в комнату. Всё это время она молчала, и в её молчании Берестову чувствовалось какое-то странное ошеломление. А ещё у неё почему-то слегка заплетались ноги. Пила? Вряд ли, Адам за этим следит.

Имя Ева ей действительно подходило. Причём она была такая... Ева до первородного греха. Неужели настолько хорошая актриса? Видимо. Иначе не работала бы шлюхой, пусть и элитной.

Илья подвёл её к любимому столу с ремнями-фиксаторами — давным-давно делали на заказ, — развернул лицом к себе и начал расстёгивать блузку.

Секунды две Ева оторопело таращилась на проворные пальцы Берестова, а затем вдруг попыталась оттолкнуть его руки.

— Что вы делаете? — испуганно выдохнула она, делая шаг назад и утыкаясь попой в стол.

Замечательно! То, что нужно. Точно актриса.

Илья только усмехнулся — и шагнул навстречу. Прижал Еву всем корпусом к столу и вернулся к расстёгиванию блузки. Третья пуговка, вот и бюстгальтер видно... бежевый.

Член у Берестова уже стоял как копьё, и это было удивительно. Ева ведь ещё ничего не сделала, он даже блузку с неё не снял — а каким-то образом возбудился до крайности. Просто от одной мысли, что сейчас эту девочку поимеет.

Но сопротивление на сей раз оказалось куда яростнее, чем обычно. Ева даже кулаком чуть в глаз Илье не заехала, он с трудом увернулся. И вертелась ужом, и пнуть его пыталась, и укусить. Только не орала. Видимо, Адам предупредил, что Илья не любит, когда ему в ухо вопят. Стонать можно, орать — нет.

И от этого её сопротивления Берестов возбудился ещё больше, хотя казалось, больше некуда. Но пришлось попытаться, прежде чем он смог перевернуть девушку спиной к себе, нагнуть и, прижав её к столу, зафиксировать сначала одну руку, потом другую.

— Что за хрень? — прошипела девчонка, изо всех сил дёргая ремни. При этом она ещё и попой вертела, произвольно касаясь паха Ильи, и у него каждый раз чуть темнело в глазах. — Вы с ума, что ли, сошли? Отпустите меня сейчас же!

— Отпущу, — усмехнулся Берестов, доставая из ящика кляп с шариком на ремешке. Наклонился и вставил его в рот Еве, а ремешок застегнул на шее. Девушка чуть повернула

голову и посмотрела на Илью вытаращенными, полными шока глазами.

Надо будет Адаму дополнительно денег перечислить. Берестов сроду такой натуральной игры не видел... и давненько настолько не возбуждался.

Да и она сама там наверняка уже вся мокрая, как это обычно и бывает со шлюшками Адама.

Илья в предвкушении задрал девчонке юбку, невзирая на по-прежнему сильное сопротивление. Она пыталась увернуться, но куда ей деться-то, с привязанными руками? Можно было, конечно, и ноги зафиксировать, но Берестову даже нравилось, что она так дёргается.

Здрав юбку, Илья какое-то время любовался видом. Обычные белые трусики без кружев, хлопковые, он таких тысячу лет уже не видел. Да ещё и нарисованный зайчик... странно. Это у Адама эксперимент, что ли? Ну ладно, неважно.

Берестов потянул трусы вниз, и Ева вновь усиленно задёргалась, что-то замычала, попыталась брыкаться. Глупенькая. Илья фыркнул, размахнулся — и хорошенько вдарил ей по ягодице.

— М-м-м! — сквозь кляп в голосе слышалось больше гнева, нежели возбуждения.

Он окончательно спустил трусы, отбросил их в сторону, чуть не получив при этом пяткой в глаз. «Жертва» что-то постоянно мычала, и Илья поражался её мастерству: играет до

конца, надо же. Точно Адаму отстегнёт за такой подарочек.

Попка у девочки была суперсладкой. Белая, почти молочная, и только на правой ягодице — след от его ладони. Берестов погладил этот след, а потом раздвинул ягодицы и полюбовался на тугое колечко испуганно сжавшихся мышц. Розовенькое такое... явно нетронутое. Значит, аналом детка не увлекается. Учтём...

Илья развёл Еве бёдра шире и чуть нажал ей на спину, чтобы легла на стол плотнее. А сам застыл, любуясь открывшимся видом.

Киска у неё была потрясающая. Конечно, бритая, но дело не в этом. Такая розовая... как цветочек. Чуть ли не впервые в жизни Берестов понял пошлое сравнение женских половых органов с розой: у его Евы между ног действительно было нечто подобное. Нежные бархатные лепестки...

Илья протянул руку и бережно коснулся пальцами этого цветочка. Девушка дёрнулась и захныкала, как обиженный ребёнок. Берестов опустил руку ниже, дотронулся до клитора, потом нашёл большим пальцем вход...

Странно. Ева была совершенно сухой. Абсолютно. Ни разу в жизни Илья не трогал настолько сухую девушку.

Наверное, она из тех, кого необходимо ласкать перед половым актом особенно тщательно. Чего же тогда попёрлась в шлюхи? Наверняка среди клиентов попадаются любители драть девочек на сухую. Но Берестов не из таких.

Илья облизал пальцы одной руки, развёл ноги Евы ещё

шире и начал ласкать клитор. Он у неё был словно маленькая бархатная бусинка — великолепный на ощупь. И Берестов тискал его, почти теряя сознание от желания плюнуть уже на всё и заняться наконец собственным удовольствием. Поминутно проверял вход в лоно девушки — сухо. Всё ещё сухо! Проклятье какое-то.

Продолжая ласкать крошечный язычок, Илья облизал указательный палец другой руки и медленно ввёл его внутрь Евы. Там было тесно, горячо и по-прежнему очень сухо. Берестов задвигал пальцем в такт ласкам клитора и — о, чудо! — вдруг ощутил, что мышцы девушки немного расслабились, пропуская его глубже, и появилось немного влаги.

— Ну наконец-то, детка, — прошептал он, ускоряя движения. — Давай, расслабься. Такая хорошенькая киска — и такая сухая, непорядок...

Ева снова замычала, но мычание это перешло в невнятный глухой стон, когда Илья загнул палец внутри неё и начал массировать так сам вход, зная, что многие женщины любят это больше глубоких ласк. И удовлетворённо улыбнулся, почувствовав наконец много желанной смазки и сокращение мышц вокруг его пальца.

Больше Берестов решил не ждать. Схватил со стола презерватив, скинул джинсы, натянул резинку на давно возбуждённый до предела член. И одним мощным движением оказался внутри девушки.

Она вновь дёрнулась, словно пытаясь вырваться, но Илью

теперь мог остановить только танк или выстрел в голову. Он двигался, постоянно меняя скорость: то предельно ускорялся, тараня тело Евы, то замедлялся, опуская голову и наблюдая, как входит в неё его член. Её половые губы раздвигались, пропуская его внутрь, и это оказалось завораживающим зрелищем.

А ещё Илья, трахая свою Еву, вдруг осознал, что его страшно притягивает её милая косичка. Он нагнулся и быстро распустил ей волосы. Мягкие, как у ребёнка, и совершенно дивного пшеничного оттенка. Натуральная блондинка? Очень похоже...

Застыв в Еве на максимальной глубине, Илья погладил её по голове, затем опустил руки ниже, чуть приподнял девушку над столом — и схватился за грудь.

— Вот так, — прошептал Берестов, лаская соблазнительные округлости, — потрясающие у тебя сиськи, детка... И вся ты... потрясающая. Забыл только, сколько стоишь.

Она вновь что-то промычала сквозь кляп-шарик, а Илья запустил руки под блузку, потом под бюстгальтер, нашёл пальцами соски, сжал их — и, почувствовав, как по телу Евы прошла невнятная дрожь, вновь задвигался на предельной скорости.

В глазах темнело, член словно добела раскалился. Между ног у девушки всё хлюпало, как в лучших американских порнофильмах, и этот звук заводил Берестова до крайности. Он в последний раз сжал между пальцами соски Евы — и

мощно кончил, прижимая её к столу всем корпусом.

Через минуту, отойдя от своего оргазма, Илья вышел из девушки, снял презерватив, выкинул его в стоящую неподалёку мусорку. Посмотрел на Еву — и удивился, заметив, что её слегка трясёт, как от озноба.

Странно. Он не заметил, чтобы она кончила. Приятно ей наверняка было, но оргазма Илья не ощутил, она его даже не имитировала. И правильно — Берестов терпеть не мог, когда шлюхи имитировали оргазм. Он вообще не понимал, зачем это нужно. Какое ему до этого дело до чужого оргазма, тем более до оргазма девушки, которая получает деньги за секс? Он платит за своё удовольствие, а не за её.

Но почему-то, когда Илья смотрел на трясущуюся Еву — распушенные пшеничные волосы, белые ягодицы с розовым следом от его ладони, — ему было жаль, что она не кончила. Удивительное чувство, он подобного раньше не испытывал.

Берестов освободил руки девушки, опустил ей юбку, забыв про отброшенные ранее в сторону трусы. Расстегнул и вынул кляп-шарик; помог Еве распрямиться.

Девчонка обмякла в его руках, закатывая глаза. Лицо у неё было белым как смерть. Чего это с ней? Плохо, что ли, стало? Сердечница?

— Эй-эй, — обеспокоенно сказал Берестов, хлопая Еву по щекам. — Ты чего, детка? Может, тебе скорую вызвать?

Она открыла глаза, посмотрела на него странным расфокусированным взглядом, и Илья окончательно встревожил-

ся.

Усадил девчонку на диван, сбегал на кухню и принёс ей стакан воды.

— На, выпей.

Она сидела, откинувшись на спинку, и глядела в потолок с таким выражением на лице, словно действительно собралась умирать. Но стакан приняла, сделала глоток, потом другой и чуть порозовела.

А Илья в это время смотрел на её грудь. Блузку он так и не расстегнул нормально, просто растормошил. И теперь наслаждался видом: в щели между пуговицами виднелись спущенный бежевый бюстгальтер и розовые соски. Такие же розовые, как и лоно девушки.

Заметив взгляд Ильи, Ева поперхнулась. Стакан выпал из её рук, но не разбился, благо на полу был ковёр, только вода вылилась. Девушка покраснела, затем побледнела и начала лихорадочно застёгивать блузку и поправлять лифчик. Руки её слегка дрожали.

Может, у неё сегодня первый раз? В смысле, первый клиент. Вот и распереживалась.

— У тебя первый раз такое, что ли? — поинтересовался Илья, но Ева, кажется, не поняла. Уставилась на него с лёгкой паникой во взгляде. И Берестов решил не лезть к ней в душу. — Ладно, не важно. Сколько ты стоишь?

Она продолжала молчать.

— Сколько? Двести? Хотя нет, ты не можешь стоять две-

сти. Держи пятьсот. Адаму я ещё сверх приплачу, а это всё тебе, поняла?

Девушка разглядывала зелёные бумажки в своих руках так, будто впервые видела доллары. Непонимающе перебирала одну за другой, как пасьянс раскладывала.

— Всё тебе, с Адамом не делись, поняла? — повторил Берестов, но кивка так и не дождался. Подумал, что стакан она уронила совсем некстати, и поинтересовался: — Хочешь ещё? — В глазах девушки мелькнул страх. — Воды, я имею в виду. Хочешь?

Снова ноль эмоций.

Илья всё-таки отправился на кухню. Налил воды, вернулся... и обнаружил, что Евы в его квартире уже нет. Ушла.

Берестов, может быть, решил бы, что ему почудилась эта девица, если бы не резинка для волос, оставшаяся на столе, белые трусики с зайчиком в углу комнаты и... пять stodol-ларовых купюр, небрежно брошенных на пол.

И последнее было очень странно.

Какое-то время Варя почти бежала, не помня себя. А потом, когда вспомнила, остановилась, плюхнулась на лавочку возле одного из подъездов — и поморщилась, вспомнив, что оставила у этого... свои трусы.

Хорошо хоть сумку взяла. Вот был бы кошмар, если бы забыла... Там же и телефон, и паспорт. И этот... знал бы, как её зовут и где она живёт.

Голова до сих пор кружилась, к горлу поднималось нечто, похожее на панический ужас, и между ног всё горело, словно перцем присыпанное. Ещё хотелось принять душ, смыть с себя всё... а одежду сжечь...

Варя поморщилась и потёрла лицо ладонями. Надо приходить в себя, перестать нервно дрожать — как говорится, дрожью горю не поможешь. Да и какое это горе? Подумаешь, незнакомый мужик поимел, приняв за шлюху. Надо искать положительные моменты. Во-первых, на нём был презик, что не может не радовать — если этот... в общем, если он любитель шлюх, то Варя от него могла что-нибудь подцепить. А так можно не волноваться. Хотя лучше всё равно сходить к гинекологу, провериться, мало ли...

Во-вторых... так, что бы ещё придумать? Она его больше

не увидит, вот.

Варя вздрогнула и испуганно огляделась по сторонам, но никто не спешил выпрыгивать из кустов и задирает её юбку.

В-третьих... она давно не девственница. Трахнул, но не убил же, не порезал, даже воды принёс, сердобольный.

Варя прекрасно понимала, что на самом деле никаких положительных моментов в подобной ситуации нет, а она пытается сейчас уговорить саму себя, чтобы были силы жить дальше. Но лучше так, чем идти вешаться на ближайшем дереве.

Интересно, он поймёт, что таранил не ту девушку? Хотя... нет, неинтересно. Вспомним второй пункт якобы «положительного» — она его больше не увидит.

Варя прикрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула, чтобы унять вновь разбушевавшееся сердце. Повторим ещё раз... Презик был, ты его больше не увидишь, ты не девственница... Всё, живём дальше. Всё. Всё. Всё!

Варя горько усмехнулась, вспомнив, как застыла в первый момент, увидев этого... мужчину. Голый мускулистый торс с кубиками пресса, по которому текли капельки воды... Как из лучшей рекламы фитнес-центров или дезодорантов. Дымчато-серые глаза, смуглая кожа, лёгкая щетина на щеках и подбородке, правильные черты лица... Ему действительно надо в рекламе сниматься. Или в журналах для женщин. Или в порнухе.

Варя содрогнулась, вспомнив, что он с ней творил. Мыш-

цы живота непроизвольно сжались от страха. Это ж надо так... попасть...

Поначалу Варя плохо соображала из-за головной боли и головокружения, затем онемела от красоты этого мужика, а после, когда он схватил её за руку и потащил в комнату, — от сочувствия. Красавец хромал так, что мама не горюй. Припадал постоянно на ногу, но ходил всё же достаточно быстро. А уж в руках у него силы немерено... Скрутил её секунд за десять-пятнадцать.

Пятьсот долларов! Ёксель-моксель, и за что?! За то, что у каждой бабы между ног! И никакого тебе геморроя с общением с заказчиками, дизайнерами, юристами. Ни-че-го! Прям работа мечты.

Варя поморщилась. Работа мечты, ага... Чего же тогда так тошнит?

Да потому что это ненормально — трахаться с мужиком, чьего имени ты даже не знаешь. Секс — это не то же самое, что за одним столом на обеде есть...

Впрочем, к чему вообще эти рассуждения? Всё уже случилось. Не исправить, не изменить. И нечего тут нюни распускать, надо ещё Дятла с танцев забрать...

Блин! Точно! Дятел!!

Варя, ты дура!!

— Простите, — встав со скамейки, совершенно забыв, что в сумке есть мобильный, Варя окликнула проходящую мимо подъезда девушку, — вы не подскажете, сколько сейчас вре-

мени?

Неловко это — задавать вопрос незнакомому человеку, будучи без трусов. И даже понимая, что никто не обладает рентгеновским зрением и никак не сможет это обнаружить, пока не поднимет ей юбку, легче не становилось.

И вымыться хотелось до жути. От собственного тела тошнило не меньше, чем от воспоминаний, что этот незнакомый мужик с ним делал.

Узнав время, Варя поняла: надо спешить. Дятел закончит через пятнадцать минут, а она... чёрт знает где.

Пришлось ещё и дорогу спрашивать. А потом припускать что есть силы, чтобы Кеша не ждал и не волновался.

Вот ведь... Пять лет у неё секса не было, и кто бы мог подумать, что она «развяжется» таким гадостным образом.

А к тому репетитору Дятла вести не надо. Люди с подобными соседями опасны для здоровья.

Минут двадцать Илья сидел, задумчиво рассматривая оставленные купюры. Шлюха, оставившая гонорар у клиента, — это нечто. И он не младенец, чтобы поверить в возможность подобного. Никто в здравом уме и трезвой памяти от своей зарплаты не откажется.

Дальше. Её удивление, возмущение, испуг... Невозможно так играть. Да и зачем играть до конца? Можно ведь было прекратить сопротивляться, как только он с неё трусы спустил. Но нет: девчонка дёргалась даже тогда, когда Берестов уже её имел.

Что ещё? Она не возбуждалась. То, чего он добился в результате нехитрых ласк, возбуждением назвать сложно. Влаги оказалось не так уж много. Подобного с девочками Адама никогда не случалось.

И то, как она всхлипывала во время секса... Теперь Илье казалось, что это были очень жалобные всхлипы. Как... преддверие плача.

Ну и... наверное, последнее.

Берестов покосился на лежавшие перед ним трусы. Хлопковые, беленькие, с зайчиком.

«Господи, пожалуйста. Пусть я ошибаюсь. Пусть всё будет

не так, как я думаю».

Существовал только один способ проверить сложившуюся теорию. И Илья решил не оттягивать «удовольствие» — позвонил Адаму.

— Привет, — поставщик Ев трубку снял сразу, — я уже собирался тебе звонить. Заболела твоя девочка, не придёт. Есть того же типа, но брюнетка. Хочешь?

Вот же... б**...

Мысли у Ильи были исключительно нецензурными.

— Не придёт, значит.

— Да. Извини, брат, но сам понимаешь: человек, не робот, плохо себя чувствует сегодня. Так что насчёт брюнетки? Есть и блондинки, но не твоего любимого размера.

— Спасибо, — Берестов нашёл в себе силы ухмыльнуться.

— Обойдусь тогда. Бывай.

— Угу.

Впервые в жизни Илье захотелось закурить. Но вместо этого он пошёл на кухню, плеснул в стакан дорогущего вискаря и залпом осушил.

Полный пи**ец. Ну ты и... придурок. Дебил. Имбецил. Даун. Чмо пустоголовое. Бестолочь. Осёл. Дубина. Баран озабоченный!!

Надо было остановиться и подумать хотя бы тогда, когда ты увидел эти грёбанные трусы с зайчиком. Да б**, где Адам — и где зайчики?! Хлопковые, беленькие... Кто в таких трусах к клиенту приходит?!

Илья плеснул себе ещё вискаря, вспоминая круглые, как две монеты, глаза девушки. И её сопротивление — настоящее, не наигранное. И...

Берестов с грохотом поставил стакан обратно на стол. Не рассчитал сил — и стекло треснуло, раскололось, оставив на ладони глубокий порез. Илья зашипел, затряс рукой, схватил кухонное полотенце и прижал к ране. Ткань быстро пропитывалась кровью, но Берестову сейчас было не до этого...

Получается, теперь он насильник. Он, к которому противоположный пол цеплялся словно репы, грубо изнасиловал девчонку. И эта реакция после секса — дрожь, бледность, искренний испуг — от шока.

Найти бы её. Но как? К кому она тут вообще шла-то? К Берестову наверняка случайно позвонила, может, квартирой ошиблась. Мда... не повезло ей...

А ему? Заявит она в полицию или нет? Почему-то Илье казалось, нет.

А ещё... несмотря на досаду за своё поведение, где-то глубоко внутри Берестова росло удовлетворение, что незнакомая девушка не была шлюхой.

Глупая и бесполезная мысль — повёл-то он себя с ней как с шлюхой. И даже если ему удастся её найти... Вряд ли она вообще станет с ним разговаривать. Ещё и между ног наверняка вдарит, чтобы неповадно было.

Впрочем, надо быть реалистом. Найти в Москве девушку, о которой ты знаешь только то, что она блондинка с голубы-

ми глазами и большой грудью, — весьма сомнительное занятие.

Тут поможет только чудо. А в чудеса Берестов, как и все разумные люди, совершенно не верил.

Первым, что спросил Дятел, было:

— А зачем ты распустила волосы?

Действительно, зачем этот... любитель шлюх расплёл ей косу? Кляп, ремни фиксирующие — оно понятно, а косу-то зачем расплетать? Фетишист какой-то.

— Да так. Голова разболелась, вот и расплела.

Это был единственно возможный ответ, потому что он хотя бы казался правдой. Варя всегда распускала волосы, когда у неё болела голова. Только дома, а не на улице и не когда надо было вести машину.

Ветер, дувший из окна, развеивал пряди, и они лезли в глаза. Чёрт бы подрал этого фетишиста...

И трусы... Мало того что без них адски неудобно, так ещё и всё время казалось, что этот любитель шлюх по оставленным трусам сможет её найти.

Бред? Бред. Они же не подписаны.

— Варь... ну Ва-а-арь... — гундосил сзади Кеша, и она наконец очнулась.

— У?

— У Вики с танцев через три недели день рождения. Она всех приглашает. Можно мне пойти?

Ну вот, дожили.

— Тебе у мамы с папой спрашивать надо, а не у меня.

— Так я вчера спросил. Мама сказала: «Если Варя тебя отвезёт, то можно».

«Ну понятно, что ещё могла ответить Ирина...»

— А папа?

— А у папы уже начинало болеть ухо, поэтому он сказал «угу».

Варя фыркнула.

— Ладно, Дятел. Отвезу я тебя на день рождения к твоей невесте, договорились.

— Она не невеста! — возмутился Кеша, покраснел и надулся.

— Ну, не жена ведь? Значит, невеста. Чего будешь дарить своей невесте? Придумал уже?

Дятел сразу забыл обиды и умоляюще посмотрел на Варю.

— Неа. А чего подарить невесте... то есть девочке?

Хороший вопрос.

— Во-первых, купим цветы. Белые розы... или тюльпаны. А во-вторых, что Вике нравится, знаешь?

Кеша задумчиво почесал затылок.

— Не помню.

— Эх ты, жених!

— Я не жених! — опять надулся Дятел. — Я...

— Угу, ты только учишься. В общем, даю тебе партийное задание: вызнать у Вики, что ей нравится. Мультки, филь-

мы, куклы, музыка... Вот как узнаешь — придумаем подарок. А то я сама так давно была девочкой, что уже ничего не помню.

— Мама говорит, что ты старая дева. — Варя поперхнулась, услышав подобное. — Я только не понял... Дева — ладно, но почему старая?

Она мстительно прищурилась.

— Дятел... как ты относишься к идее закупиться чипсами?

— Чипсами? — Кеша аж подпрыгнул. Конечно, какой ребёнок не любит эту дрянь? — Хорошо отношусь! Но мама...

— Вот именно. Сядем с тобой на кухне и будем хрустеть. При маме. А она пусть завидует!

Чипсы были слабым местом Ирины. Так же как шоколадные конфеты и арахисовая паста. И каждый раз, когда мачеха страшно злила Варю, девушка покупала что-нибудь из вышеперечисленного и с наслаждением ела на её глазах. Как правило, Ирина не выдерживала и тоже съедала чуточку, а на следующий день плакалась, что поправилась.

— Пусть! — Дятел даже в ладоши захлопал. — Ух, как здорово! А чупа-чупс купим?

— Купим.

— Класс! Варя, я тебя люблю!

— Вот интересно... а если бы я тебе это всё не покупала, ты бы меня тоже любил?

— Конечно! Просто не так сильно.

Варя фыркнула.

— Ну ты и хитрец!

— Весь в тебя!

.

Если не принимать во внимание хромого любителя шлюх, то выходной удался.

Первым делом Варя залезла в душ и хорошенько, до боли потёрлась жёсткой мочалкой, смывая чужие прикосновения. Потом наконец нацепила трусы и вздохнула с облегчением: шляться по городу без нижнего белья, мягко говоря, не для неё.

Покормив Дятла и покормившись сама, Варя включила брату первый «Ледниковый период» и примостилась рядом с пакетом чипсов. Аппетитно похрустывая, они смотрели мультфильм, пока не пришла Ирина. Узрев вредную еду, мачеха Вари отругала их обоих за «безответственное отношение к собственному здоровью», но в итоге тоже села перед телевизором и с тяжёлыми вздохами принялась жевать чипсы.

Варя почувствовала себя отомщённой. Ну, почти. Только всучив Ирине чупа-чупс и стакан с кока-колой, девушка окончательно успокоилась, предвкушая, как на следующее утро, встав на весы, мачеха будет причитать и охать.

Потом пришёл отец, и, пока Ирина кормила его обедом, Варя с Кешей заперлись в комнате брата и принялись пры-

гать по дивану. Точнее, прыгал Дятел, а Варя его ловила. Мальчик это обожал, и никакие увещевания родителей тут не действовали. Отец и Ирина пытались запретить Кеше «портить мебель», но их остановил ироничный комментарий Вари: «Да ладно вам, пусть лучше по дивану прыгает, чем шкафы разбирает». Подобный прецедент уже был. Дятел «от нечего делать», как он выразился, раскрутил один из шкафов в своей комнате. И хорошо так раскрутил... обратно скрутить не получилось — некоторые детали оказались вырваны, что называется, с мясом.

Так что родители признали: лучше прыгать по дивану, чем... всё остальное. Диван был старый и выдерживал даже прыгающую Варю, но она всё же не рисковала, предпочитая отсиживаться на краешке, пока Кеша бесился. Покупать другой диван не хотелось. К новой мебели Варя доверия не испытывала, считала её слишком хлипкой по сравнению с кондовой советской.

И только вечером, когда все уже легли спать, на девушку накатило. Она накрылась с головой одеялом и расплакалась в подушку, ругая и себя, и этого любителя шлюх на чём свет стоит.

Ведь сразу поняла, что... никакой он не репетитор. И не только по внешнему виду — ну не станет преподаватель открывать дверь сестре будущего ученика, будучи полуголым, — но и по голосу. У Вари был неплохой музыкальный слух, и отличить одного человека от другого она могла.

Почему же тогда пошла в квартиру? Растерялась. Он был такой красивый... а потом захромал, и ее захлестнула жалость. Отчего-то она не сомневалась: хромота у него не временная, она навсегда.

Дура, с чего ты вообще это взяла?!

А потом, когда он стал её раздевать... Она всё никак не могла осознать серьёзность ситуации. И сопротивлялась не так сильно, как могла бы. И всё думала: хоть бы больную ногу не задеть...

Дура!

Испугалась по-настоящему, только когда появились ремни и кляп. Но тогда было уже поздно.

Идиотка безмозглая...

— Ва-а-арь? Ва-а-а-арь...

Она вытерла глаза наволочкой и высунула голову из-под одеяла.

— Дятел, ты чего не спишь?

— А ты чего рыдаешь? — хмуро спросил брат, придвигаясь ближе. — Я писать захотел, прохожу мимо твоей комнаты, а ты тут... воешь под одеялом. Тебя кто-то обидел, Варь? Ты скажи, кто, я ему задам.

Варя рассмеялась. Задаст он... эх, Дятел.

— У вас разные весовые категории, чучело. — Она взъерошила брату волосы. — Вот вырастешь, тогда задашь.

— Когда я вырасту, — Кеша гордо вскинул голову, — я на тебе женюсь.

Стало совсем весело.

— Не-е-е, брат. Когда ты вырастешь, мне уже будет пора выходить на пенсию.

— Неправда! Тебе будет... тридцать восемь. Вот! Я специально считал.

— Молодец. Значит, не всё так безнадёжно у нас с математикой. Дай я тебя поцелую.

Дятел послушно подставил Варе лоб.

— Всё, иди спать, Кеш.

— А ты больше не будешь плакать?

— Не буду.

— Обещаешь?

— Обещаю. Иди-иди, жених. А то как же мы с тобой завтра в зоопарк пойдём, если оба не выспимся?

— В зоопарк? — Даже в темноте было видно, как заблестели глаза мальчишки.

— Угу. Но только если выспимся! Так что беги спать, чу-чело.

— Бегу! — кивнул Кеша и усвистел. Варя улыбнулась, откинувшись на подушку.

Какой же чудесный у неё братишка растёт. Самый лучший на свете.

«Я на тебе женюсь»... Дурачок.

По иронии судьбы на Вару никто и никогда не хотел жениться. Трахать — пожалуйста, а вот жениться... Слабаки.

А об этом любителе шлюх больше не надо думать. Всё. Не

было его. Приснился.

Да, именно так. Как любит писать папа: «И ниипёт».

Илья даже не думал, что человеку может быть настолько хреново. И дело было не в выпитом алкоголе.

Вот, оказывается, почему угрызения совести именно «угрызения». Грызут так, что чувствуешь себя яблоком, в котором живёт очень голодный червяк.

Илья боялся представить, каково этой... нет, не Еве, а просто девушке. Вспоминал её совершенно чистый взгляд, затем наполнившийся паникой, и отчаянное неподдельное сопротивление, и... узкое лоно, в которое он так грубо вколачивался. А ведь у неё явно секса давно не было, слишком уж... туго... Или он совсем забыл, что такое нормальная девушка, а не шлюха?

Замутило, и Илья набрал номер своего друга, работающего в полиции. У каждого уважающего себя юриста должен быть такой друг.

— Алло, Андрюх? Я тебя очень отвлекаю?

— Ну как тебе сказать, — в трубке хмыкнули. — Даже два часа ночи как бы.

— Извини, ради бога...

— Да ладно, я пока не сплю. Чего случилось-то?

— Скажи... а возможно найти человека, если есть только,

допустим, запись с камер наблюдения в подъезде?

Друг несколько секунд озадаченно молчал.

— Чисто теоретически можно. Но практически проблематично. Там качество знаешь какое? А если человека нет в наших базах, то есть он не судим и не привлекался, — и вовсе нереально. Фээсбэшники могут, я думаю, но я не они. А кого найти надо?

— Девушку. Блондинка, лет двадцати пяти, голубые глаза, грудь... большая. И точно не привлекалась. Я запись с камеры достану, но это всё.

— Ну давай, попробую. Но сразу говорю: очень вряд ли. Ты бы лучше через соцсети: напиши слезливую историю, мол, ищу, люблю безумно и тыды...

Илья нервно рассмеялся. Да уж, слезливую... Если его «история» попадёт в соцсети, ему точно не жить.

— Нет, Андрюх. Соцсети исключены.

— Понял. Тогда жду от тебя запись с камеры. А пока я пошёл спать. И тебе советую.

— Спасибо, — искренне поблагодарил друга Берестов, положил трубку и налил себе ещё вискаря.

Спать... уснёшь тут...

На следующий день Варя с Дятлом никуда не пошли — ни в зоопарк, ни в кино, ни даже в магазин. Ей с самого утра

было плохо, давление скакало, голова болела и кружилась, и вообще настроение отличалось исключительной слезливостью.

В такие моменты Варя понимала, что не такая уж плохая мачеха ей досталась. Поглядев на унылую падчерицу, Ирина принесла девушке чаю с печеньем и заявила, что Варя может не беспокоиться — сегодня Кеша будет под присмотром.

Дятел повздыхал, но подчинился воле родителей и отправился с ними в торговый центр. А Варя, полежав немного в позе овоща, позвонила вчерашнему репетитору... настоящему репетитору. Извинилась, сказала, что планы изменились и она не придёт. Потом села за компьютер и стала рыться на специальном сайте в поиске подходящей кандидатуры для брата.

И в этот раз выбрала женщину. Чтобы уж точно... не ошибиться.

Но какая она всё-таки дура!..

А в понедельник Вале пришлось пойти на работу. Во-первых, больничный никто не даст, у нас всё-таки не Европа, депрессия — не причина для отгула. А во-вторых, нечего сидеть и страдать. Работа — лучший лекарь. Уж Варя-то знает.

Хотя с недавних пор работать стало не слишком весело. Они с Ритой — соседкой Вари по столу — сидели немного в отдалении от остальных и общались в основном друг с дру-

гом. И мало того, что за год до Риты в декрет ушла Светка, прежняя коллега Вари, с которой та проработала шесть лет бок о бок, так теперь ещё и Рита... И тоже в декрет.

Нет, конечно, декрет — дело хорошее, и Варя радовалась за девчонок, но... одной куковать в своём уголке было скучновато.

Спасало то, что к Вале постоянно кто-то приходил. С совершенно определённой целью, по правде говоря...

И перед самым обедом на эти паломничества обратил внимание Сергей Мишин, начальник Вари. Хмурясь, постоял в отдалении, наблюдая за откровенным — с его, мужской, точки зрения — бредом, а потом подошёл и поинтересовался:

— Варь... чего происходит-то? К тебе все ходят, на стул садятся...

— Не все, — фыркнула девушка, поднимая глаза от очередного рекламного проекта. — Только женщины. Не понимаешь?

Мишин нахмурился ещё больше и покачал головой. Эх, мужики! И даже самые умные из вас такие дураки.

— Это беременный стул.

Сергей вытаращился на Варю, как пенсионер на цены в элитном супермаркете.

— Беременный?..

— Угу. Светка с него в декрет ушла? Ушла. Ритка ушла? Ушла. Ну, это ты и так знаешь, твоя жена-то. На прошлой

неделе, как Рита вещи собрала, Марина приходила из бухгалтерии, посидела... и вот, в пятницу выяснилось, что беременная она.

Мишин затрясся от смеха.

— Варь, но она же не от стула забеременела... И сильно раньше, чем на нём посидела...

— Это ты мне говоришь? Ты вон им скажи. Ходят тут теперь... сидят. Хорошо хоть штаны не снимают. В общем, это у меня не стул, а волшебный артефакт, короче. Хочешь — тоже посиди.

— Это зачем?

— Ну декрет — это же отпуск. Посидишь — и в отпуск отправишься. Обычный.

— Нет уж, — хмыкнул шеф. — Заражусь ещё, стану первым в мире беременным мужиком. Нафиг. Может, снести его в подсобку?

— Снеси, — ответила Варя равнодушно. — Только дверь там заодно поменяй. А то снесут.

Чуть позже, после обеда, Сергей пригласил Варю к себе в кабинет. Официально пригласил: позвонил по телефону, спросил, не занята ли, и пригласил. Чихвостить, что ли, будет? Так её вроде не за что...

Но оказалось — не чихвостить. Даже наоборот.

— Слушай, Варь... — Мишин задумчиво вертел в руках

ручку, и девушка на секунду зависла от этих монотонных движений. — Я тут подумал. После ухода Риты освободилось место ведущего менеджера... Ты не хочешь его занять?

Варя пару мгновений молчала, полагая, что ослышалась.

— Я?

— Ну да, ты. А что тебя удивляет?

— Я никогда не хватала с неба звёзд, — ответила она откровенно. — Я неплохой рекламщик, но ведущий менеджер... Сергей, ты уверен? Может, возьмёшь кого-нибудь?

— Хочешь честно? За последние два года ты очень выросла, Варь. Вот как Светка в декрет ушла...

— Дело не в Светке, — улыбнулась Варя. — Брат у меня в школу пошёл. Времени стало больше, желания работать — тоже. Я тогда кучу мастер-классов посетила, стала уделять заказам больше внимания. Вот и выросла как профессионал.

— Отлично, Варь. Так что, ты согласна?

Она поморщилась.

— Там же ответственность... Эх. А отказаться можно?

— Нет, — обезоруживающе улыбнулся Мишин, и девушка вздохнула.

— Ладно уж. Согласна. Значит, мы вместо ведущего менеджера возьмём просто менеджера?

— Нет. Пока попробуем никого не брать, но если не получится — возьмём тебе помощника. А сейчас берём юриста. Ты же знаешь, что Юрий Владимирович у нас на пенсию уходит? Отработал я, говорит, своё, хочу на даче капусту са-

жать.

— Картошку, — уточнила Варя. — Он говорит «картошку сажать». А капусту он не любит.

— Хорошо, картошку. Но суть в том, что нам теперь нужен юрист. Ты не возражаешь, если мы его на Риткино место посадим? Юрий Владимирович сидел в бухгалтерии, а там сейчас девочку взяли на стажировку... Хотят за его стол устроить.

— Не возражаю, — Варя пожала плечами. — Даже наоборот. Неудобно было через всю фирму за консультацией бегать. Только это... Если женщину возьмёте, предупредите её про стул, что ли. Мало ли? Вдруг она детей не хочет... Или не любит.

— Обязательно предупредим, — засмеялся Сергей. — Но, скорее всего, мужчину возьмём. Макс там кого-то вроде как присмотрел уже.

Варя кивнула и отправилась работать дальше.

Прошло две недели. Новый юрист всё не появлялся, и она успела даже забыть о том, что кто-то должен прийти. Ещё и внезапно свалившаяся должность добавляла проблем. Ведущий менеджер звучит, конечно, красивее, чем просто менеджер, но на деле это целая куча геморроя.

Репетитор Дятлу всё же нашелся — женщина в возрасте, жившая неподалёку. Варя водила к ней брата три раза в неделю, к восьми вечера, и сами занятия длились полтора часа, считая пятнадцатиминутный перерыв.

Поначалу Дятел был в ужасе. Математика по полтора часа три раза в неделю! Умереть не встать. Но потом ничего, понравилось. Лидия Алексеевна умела обращаться с детьми. А главное — с ней рядом не жили никакие... любители продажных женщин.

Иногда Варе казалось, что она почти забыла своё «приключение». Напоминали о нём теперь только повышенная брезгливость к представителям мужского пола да беспокойные и очень неприятные сны, в которых Варю тискали чужие руки. Она плакала, уворачивалась, но они всё тискали...

Наконец в пятницу Сергей сказал, что в понедельник придёт новый юрист, и попросил Варю подготовить для него работу по их отделу, чтобы не терять время. Она ещё подумала, что это будет сложно — последние две недели общаться с мужчинами девушке было не очень приятно. Даже Сергей вызывал отторжение, хотя Варя знала его уже много лет. А общественный транспорт так и вовсе становился истинным наказанием...

Наверное, она просто перенервничала. Иначе как объяснить тот жуткий сон?..

В ночь с воскресенья на понедельник Варе приснилось, что она, как всегда, идёт по офису. Заходит в приёмную генерального... и видит возле секретарской стойки мужчину.

На лбу выступает холодный пот. Варя разворачивается и бежит прочь, но всё равно слышит позади быстрые шаркающие шаги...

Шарк-шарк-шарк... Горячая рука на локте... чужие губы на шее... он кусает её, Варя истошно визжит, начинает плакать и вырываться, но он только шепчет: «Какая сладкая киска», — прижимает её к стене и задирает юбку.

Сон закончился одновременно с проникновением внутрь её тела. Резким и грубым, как тогда...

— Нет, нет, ничего этого нет, — шептала Варя в подушку, стараясь укутаться одеялом с ног до головы — так она чувствовала себя защищённой. — Приснилось, просто приснилось...

Сколько ещё это будет продолжаться?..

Просто поразительно, насколько может отличаться реакция разных людей на одну и ту же ситуацию. И если Варя хотела поскорее обо всём забыть, то Илья, наоборот, забывать не собирался.

Поиски не принесли результата, Андрей ничего не смог добыть на таинственную незнакомку, которую Берестов умудрился изнасиловать. Но сдаваться Илья не хотел. Только вот что ещё можно сделать, чтобы найти девушку, — не представлял.

Попутно он устроился на работу. С его опытом это оказалось легко, ещё и выбирал из трёх контор: где зарплата больше, да поближе к дому, да начальство поадекватнее. Последнее, правда, почти фантастика, но всё-таки Илья смог найти место, которое устроило его почти на сто процентов.

И в один прекрасный понедельник Берестов вышел на работу. Явился пораньше, чтобы спокойно обустроиться, сходил в отдел кадров, заглянул к генеральному директору, выслушал кучу наставлений... Да, пласт работы на него навалили колоссальный. Даже не пласт, а что-то более монументальное. Гору или целую горную цепь. Тут тебе и консультирование по будущим договорам, и их составление, и вся-

кая-разная документация, и ведение юридических дел фирмы, и вышибание денег из нерадивых клиентов.

По работе креативного отдела Илью должен был проконсультировать ведущий менеджер этого отдела, некая Варя Михайлова. Которая, когда явится на работу, и с коллегами Илью познакомит, и вообще всё-всё расскажет — золото, мол, а не человек.

И Берестов, выйдя из кабинета генерального и направившись к своему новому рабочему месту, на секунду застыл, вглядываясь в девушку, что стояла возле перегородки спиной к нему.

Эта спина... и трогательная золотая косичка чуть ниже лопаток... неужели...

Ева?..

Некоторые сны имеют свойство сбываться. Особенно кошмары.

Варя рассматривала документы, которые предстояло вручить новому юристу, когда услышала позади знакомую шаркающую походку.

Как и во сне, девушку прошиб холодный пот.

Пусть это ей только кажется, пожалуйста!!!

Шаги застыли. Потом возобновились. Ближе, ближе, ближе...

Не в силах больше вынести это, Варя обернулась... и почувствовала, что теряет связь с реальностью. Ноги перестали держать, подкосились; папка с грохотом выпала из рук. Захотелось завизжать что есть мочи, но горло словно железным обручем стянуло.

Она слишком хорошо помнила человека, который метнулся навстречу, подхватил её под руки и поднял, прижав к перегородке, как тогда — к столу.

Короткие тёмные волосы, лёгкая щетина — в другой ситуации Варя назвала бы её сексуальной, — правильные черты лица, серые глаза... почему-то одновременно и радостные, и насторожённые.

— Нет, — выдохнула она, пытаясь вырваться. Неожиданно это получилось — мужчина шагнул назад и поднял руки.

— Я не трогаю тебя. Просто боялся, что ты упадёшь в обморок.

Да уж, удивительно, как она в этот самый обморок не упала. В глазах потемнело, холодным потом покрылась...

— Я не трону тебя, честное слово. Я ваш новый юрист. Меня зовут Илья Берестов.

Варя не хотела слушать. Волны паники накатывали на неё, грозя накрыть с головой. И девушка, всхлипнув, кинулась прочь. Чуть не снесла по дороге Мишина, но даже не обратила на это внимания.

В отличие от сна, Берестов за ней не побежал. Варя беспрепятственно добралась до женского туалета и заперлась в

одной из кабинок.

Впервые в жизни она поняла, что такое паническая атака. Дышать было невыносимо больно, сердце заходило, словно мечтая выпрыгнуть наружу и поскакать по полу, как мячик, холодный пот струился по лбу, руки дрожали...

Новый юрист.

Может, прямо сейчас утопиться? Вот в этом унитазе.

Илья.

Ей всегда нравилось это имя. Зря.

Берестов.

И фамилия красивая.

Нет, это не может быть совпадением. Он специально её нашёл. Пришёл, устроился на работу, чтобы мучить. Привязывать, втыкать кляпы в рот и трахать.

Может, это сон?

Варя изо всех сил ущипнула себя за руку. Ничего не изменилось. За ногу. То же самое.

Может, побиться головой о стену?

Нет. Нет. Нет!

Всё, хватит! Кончай паниковать, дура! Вы не у него в квартире, а на работе. Будет возникать — плеснешь в наглую рожу кипятком. Или удавишь шнуром от принтера. Или забьёшь сканером по башке.

Юрист... а шлюху от приличной девушки отличить не может!..

Илья, конечно, хотел найти свою Еву. Вот только желание найти — это одно, а что с ней делать дальше?..

Она вон как позеленела. И папку уронила, и сама чуть в обморок не грохнулась...

Нет, Берестов её не винил. Просто хотелось объяснить, что это была случайность, что он в жизни бы не стал... Но она ведь наверняка даже не дослушает.

А ещё у их «диалога» были свидетели. Вышедший из своего кабинета Сергей Мишин, с которым Ильёю ранее познакомил генеральный, смотрел на разыгравшуюся сцену с откровенным изумлением.

И, когда Варя убежала, он подошёл к Берестову и задумчиво протянул:

— Знаешь, я за семь лет работы с Варей никогда её в подобном состоянии не видел. Правда, она последние недели две тоже была какая-то странная... Но сейчас так вообще. Вы чего-то успели не поделить?

Илья слегка поморщился.

— Накосячил я. Но это... личное.

Сергей хмыкнул.

— Да я уж понял, что не общественное. — Немного помолчал и неожиданно добавил: — Слушай... ты «Простоквашино» смотрел?

— «Простоквашино»? — удивлённо переспросил Илья.

— Ну да, конечно.

— Тогда ты наверняка помнишь, как мама предложила папе жить с котом. А он ей ответил, что этого кота в первый раз видит, а с ней уже давно живёт. Помнишь?

— Помню, — кивнул Берестов, всё ещё не понимая, о чём толкует Мишин.

— Ну вот, — удовлетворённо протянул Сергей. — Тебя я на прошлой неделе впервые увидел. Ты хороший парень, конечно... но с Варей я уже семь лет вместе работаю. Врубаешься?

Илья усмехнулся.

— Теперь врубаюсь.

— Ну вот. Обидишь — я тебя на ленточки порежу. В шре-дере, — продолжил Варин начальник тем же на редкость дружелюбным тоном.

— Я не обижу.

«Обидеть сильнее уже невозможно...»

— Надеюсь.

Мишин ушёл к себе, а Илья отправился вслед за Варей.

Значит, Варя Михайлова. Не Ева.

Варя. Какое милое тёплое имя...

Она не помнила, сколько проторчала в туалете. Но в конце концов поняла: надо выйти. Вечно сидеть тут невозможно, это какой-то детский сад. Там работа стоит, коллеги ходят... А этого Берестова просто надо предупредить: подойдёт ближе чем на метр — Варя его кастрирует. Канцелярским ножом!

Но она всё равно оказалась не готова к тому, что Илья будет ждать напротив женского туалета. В нерешительности застыла на пороге, за что и поплатилась — идущая следом женщина хорошенько вдарила ей дверью по спине.

— Ай!

— Не стой ты тут, люди ходят, — буркнула сотрудница, одна из бухгалтерш.

Варя осторожно отошла чуть левее и испуганно дёрнулась, когда Берестов сделал шаг вперёд, к ней.

Выставила руки и вжалась в стенку. Илья поморщился.

— Я не подхожу, не подхожу. Просто нам надо поговорить, а делать это через коридор неудобно. Хочешь, пойдём в кафе?

— Нет! — рявкнула Варя, но руки всё же опустила. — В переговорную пошли. Там стены стеклянные, если что!

— Если — что? — Берестов чуть усмехнулся, и Варя от возмущения едва не взорвалась.

— Если ты опять вздумаешь меня изнасиловать! — зашипела она и со злобным удовлетворением заметила, что мужчина слегка побледнел.

— Не вздумая. Но если тебе так спокойнее — пойдём в переговорную. Проводишь?

Варя кивнула и медленно пошла вдоль стеночки, каждую секунду оглядываясь на Берестова, чтобы при необходимости пресечь его попытки подойти ближе.

Но никаких попыток не было. Илья послушно шёл за ней посередине коридора, и взгляд — единственное, чем он прикасался к Варе.

Малая переговорная оказалась свободна, и девушка вздохнула с облегчением. Она даже не представляла, куда вести Берестова, будь там занято. Если только говорить с ним на рабочем месте, но вряд ли это возможно сделать без свидетелей. Он парень молодой, симпатичный, скоро к нему валом повалят знакомиться.

Молодой? Симпатичный? Опомнись, Варя! Он тебя ремнями к столу привязал, кляп в рот засунул и трахнул, приняв за шлюху. Какой же он после этого симпатичный?!

Но у Вари, увы, всегда было обострённое чувство справедливости. И она довольно легко признавала, что, невзирая на его поступок, Илья симпатичный. Вот только это не значит, что она сейчас растает и побежит ему ноги целовать. И

ногти полировать.

В переговорной они сели друг напротив друга, и Варя не выдержала — отвела взгляд. Вновь накрыло паникой. Только колоссальным усилием воли удалось её погасить — всё же они сейчас не в его квартире, а на работе, да ещё и в «аквариуме»...

— Я понимаю, ты считаешь меня придурком... — начал Илья, и девушка чуть усмехнулась. Это ещё мягко сказано! — Имеешь право: я вёл себя с тобой очень глупо и грубо.

— Глупо и грубо? — съязвила Варя, скрещивая руки на груди. — Так это теперь называется, да?

— Называть можно как угодно, — спокойно сказал Берестов. — Мы не юридический документ сейчас оформляем. Я пытаюсь извиниться. Я виноват. Но если думаешь, что мне очень приятно осознавать себя насильником, ты ошибаешься.

— Я ничего не думаю, — буркнула Варя. — Я стараюсь жить дальше, а ты своим появлением здесь расстраиваешь мои планы. Я не идиотка. Я поняла, что ты принял меня за шлюху. И так уж сложилось, что я не успела сообщить об ошибке — слишком быстро ты... Короче, у меня нет никакого желания это обсуждать. Я просто не хочу тебя видеть. И знать о твоём существовании на этом свете тоже не хочу.

Варя подняла голову и впервые за весь разговор посмотрела прямо на Берестова. Далось это ей с трудом, но хорошо, что далось — у него оказалось очень интересное выражение

лица.

Сожаление, досада, жалость, даже злость — столько всего там отражалось...

— Я понимаю, — сказал Илья будто бы с усилием. — Я тоже не идиот. Я тебе противен.

Он явно не спрашивал, а утверждал, поэтому Варя не стала кивать. И переубеждать Берестова тоже не стала.

Ну, противен. Можно подумать, это для него трагедия.

— Я не хочу мешать тебе жить, Варя. Поэтому я уволюсь.

Девушка удивлённо моргнула и поймала себя на желании глупо открыть рот.

— Кроме вашей конторы, мне ещё в трёх местах как минимум работу предлагали. Не пропаду. А ты будешь жить спокойно.

Варя была так поражена, что даже не нашлась с ответом. А когда нашлась, Илья уже стоял возле двери.

— Понимаю, что тебе не особенно нужны мои извинения, но всё же — извини. Я не такой мерзавец, как ты думаешь.

— Я... — начала Варя, но Берестов уже вышел и захромал по коридору — к кабинету генерального директора.

На душе было погано. Самое подходящее слово, лучше не придумаешь. Не ужасно, не паршиво, не мерзко, а именно погано.

Как юрист, Илья всегда считал: всё можно исправить. Заключить договор, выплатить компенсацию, опубликовать опровержение, публично извиниться... Способов загладить вину — множество. Правовых, конечно.

А ему-то что делать?

В голове — ни одной идеи. Кроме самой очевидной — оставить в покое. Пусть живёт и забывает о случившемся.

И не исправить. Ни юридически, ни по-человечески, никак.

Генеральный директор Максим Иванович Юрьевский встретил Илью вежливо, но немного удивлённо. В конце концов, первый рабочий день Берестова только начался.

Опускаясь на стул, краем глаза Илья заметил фотографию на рабочем столе компьютера Юрьевского: приятная брюнетка со счастливой улыбкой во всё лицо и не менее радостные трое детей примерно одного возраста. Двое из них — мальчики — тискали котов, девочка же одной рукой обнимала собаку, а другой держала на ладони черепашку. Ещё

одна собака пыталась то ли лизнуть эту самую черепашку, то ли сожрать её.

Заметив взгляд Ильи, Юрьевский улыбнулся и пояснил:

— Семья. Если меня кто на работе разозлит, я сразу на фотографию эту смотрю и моментально успокаиваюсь. Раньше курил, а теперь вот... И никаких сигарет не нужно. А вы по какому поводу ко мне, Илья? Мы с вами вроде всё обсудили на той неделе...

— Планы изменились, — сказал Берестов, чувствуя себя дегенератом, который сегодня говорит одно, а завтра другое. — Мне нужно уволиться, Максим Иванович.

Юрьевский удивился.

— Уволиться? Неужели у меня настолько плохо работать, что сотрудники собираются увольняться, не доработав даже до своего первого обеда?

— Дело не в вашей фирме. Это личное.

Генеральный несколько секунд задумчиво смотрел на Берестова, но выдал неожиданное:

— Сейчас лопну от любопытства. Только не говорите, что встретили тут... ну, школьную любовь, например.

— Если бы. Я не могу сказать, Максим Иванович. Но уволиться нужно. Это единственный выход.

Юрьевский помолчал, побарабанил пальцами по столу.

— Ладно, Илья. Но у меня к вам встречная просьба. Можете доработать месяц до конца? Нам сейчас очень нужен юрист, и я на вас рассчитывал. За месяц я спокойно найду

подходящего человека, не буду скакать с пеной у рта. А зарплату получите как за два месяца. Согласны?

Берестов покачал головой.

— Я бы с радостью, но... обстоятельства от меня не зависят.

— А от кого зависят? — спросил Юрьевский уже немного раздражённо. — Поинтересуйтесь у него. В конце концов, месяц — не так уж и долго.

Тут настала очередь Ильи удивляться — но не словам генерального. Просто в кабинет, постучавшись, вошла Варя. Бледноватая, но решительная. И на секунду Берестов подумал, что сейчас она выдаст всё про изнасилование... Мысль, конечно, была очень глупая.

— Максим, ты... — Она запнулась, покосилась на Илью. Генерального на «ты» называет? У неё с ним что-то было? — То есть Максим Иванович, я прошу, не слушайте его. Илья... — имя Берестова она даже не сказала, а выплюнула. — ... Погорячился. Это...

— Так, стоп! — Юрьевский поднял руки, словно сдаваясь. — Давайте так. Вы сейчас выйдете, всё обговорите, а потом вы, Илья, сообщите мне ваше совместное решение. Только на сей раз... — генеральный усмехнулся, — ...не горячитесь.

Ух, как Варя себя ругала!

Ей радоваться бы, что Берестов увольняется, однако было не до радости. В конце концов, это несправедливо! Если Юрьевский взял его на работу вместо их прежнего юриста, которого в шутку называл «богом законов и порядков», значит, Илья очень хороший специалист.

И при чём тут их совместное... «недоразумение»? Да, ей трудно, больно и неприятно видеть Берестова. Но заставлять из-за этого увольняться... Да кастрировать его куда справедливее!

Поэтому Варя и помчалась в кабинет к Максиму — предотвращать сей идиотизм. Лучше она потом попросит Мишина пересадить её в другое место. А Берестов пусть сидит там, в этом углу, и наслаждается одиночеством.

Варя его не боялась. По крайней мере сознательно. И не считала, что он после всего случившегося снова набросится на неё — поиметь ещё раз. Илья ей неприятен — да, но, в конце концов, Михаил из отдела продаж — тоже... Его же Варя не просит уволиться!

Поэтому, когда они с Берестовым вышли из кабинета генерального, она выпалила:

— Не надо увольняться. Я переживу, не младенец. Просто договоримся.

— О чём? — Илья нахмурился. Варе вдруг показалось, что он стоит слишком близко: она ощущала аромат его туалетной воды — и отступила назад. Подняла голову, чтобы не показаться совсем трусихой, и сглотнула от очередного приступа накатившей паники.

Берестов нахмурился сильнее и скрестил руки на груди. Эти руки... Варя помнила, они словно из металла.

И оказывается, он почти на целую голову выше её. Такая... громадина.

И член у него тоже большой. Пусть она не видела, но ощущала хорошо... Точнее, наоборот — плохо. Плохо было и больно.

— О том, что ты меня не трогаешь, и я тебя не трогаю, — с большим трудом выдавила Варя. — Общаемся только по работе. И... не подходи близко. Иначе меня может... стошнить.

Мышцы на руках и груди Ильи напряглись, на скулах заходили желваки.

— Нет, Варя, — ответил он глухо. — И спорить не стоит. С генеральным я уже, можно сказать, договорился. Юрьевский попросил доработать месяц, чтобы за это время найти другого юриста. Если не возражаешь, мы так и сделаем. А пока я постараюсь тебя... не беспокоить.

— Я тебя тоже, — буркнула Варя, чувствуя колоссальное

облегчение. Развернулась и пошла на своё рабочее место, ожидая услышать позади знакомую шаркающую походку, но Берестов остался стоять возле кабинета генерального.

Ах, да. Он же должен сообщить Юрьевскому о принятом решении...

Когда Сергей Мишин зашёл в кабинет лучшего друга и по совместительству генерального директора, тот сидел за столом и изо всех сил пылился на экран монитора.

— И кто тебя на этот раз взбесил? — хмыкнул Сергей, садясь напротив.

— Да Берестов, — вздохнул Макс. — Ты представляешь, только на работу явился — и уже собирается увольняться. Еле уговорил до конца месяца досидеть. С ума сойти. А я так радовался, что мы замену нашли.

— А-а-а, — понимающе протянул Мишин. — Они там с Варей что-то не поделили.

Пока Сергей рассказывал о сцене, которой стал свидетелем, Юрьевский задумчиво постукивал ручкой по столу, не отрывая взгляда от экрана монитора.

— Ну и что это за хрень? — спросил он, когда Мишин закончил. — Я уж грешным делом подумал, что он, как и ты год назад, встретил свою старую любовь. Но судя по твоему рассказу, не похожи они на влюблённых...

— Да, не особо. Хотя Илья ещё ничего, это Варя шарахается от него, как от зачумленного.

Юрьевский поморщился.

— А самое главное... Как считаешь, искать мне нового юриста, нет?

— Нет, — твёрдо ответил Сергей. — Ты чего, Варю не знаешь? Подуется и простит. Вот увидишь. Недели через две-три поинтересуйся у Берестова, как там дела. А если дела не сдвинутся, я сам с Варей поговорю. Простит, куда она денется... Даже если Илья сильно накосячил. Она у нас добрая. В конце концов, не изнасиловал же он её?

Макс задумчиво почесал подбородок.

— Ты за ними присматривай только. Если увидишь, что конфликтуют, Берестова пересади куда-нибудь. Да хоть вон в мою приёмную к Вике под бочок, будет ему глазки строить. А то у неё с тех пор, как я женился, хронический недостаток глазкостреляния. Но это в крайнем случае.

— Не ссы, — фыркнул Мишин. Юрьевский посмотрел на него укоризненно. — Справимся. И не таких замуж выдавали... то есть женили.

— Кстати, насчёт женитьбы. Стулья им поменяй местами.

— С чего вдруг? — удивился Сергей.

— С того. Не догадываешься? Странно. Ты ж у нас креативщик, не я.

Мишин несколько секунд задумчиво смотрел на улыбающегося Макса.

— А-а-а, я понял... Что, неужели ты веришь в беременные стулья?

Юрьевский хмыкнул.

— Как пелось в одной детской песенке: «Хочешь, не хочешь, днём или ночью, чудо — придёт». Тем более Варе давно пора.

— Не жалеешь ты меня, — притворно шмыгнул носом Мишин. — Мне же потом опять нового ведущего менеджера искать!

— Посмотри на это с другой стороны.

— С какой это?

— У нас на фирме неженатых мужчин уже не осталось, — улыбнулся Макс. — Илья — последний член этого «клуба». Так что даже если скоро у нас будет новый ведущий менеджер, выходить замуж ему — то есть ей — окажется не за кого.

— Зато незамужних баб у нас достаточно, — съязвил Мишин. — Возьму мужика менеджером — по новому кругу ада пойдём.

— А я этот стул к себе в кабинет заберу. И буду на нём сидеть. Мне никакие беременные стулья не страшны.

— Лучше сейчас заberi... От греха.

— Нет, Серёж, — покачал головой Юрьевский. — Варя к нам со Светкой частенько в гости захаживает, смотрю я на неё и понимаю: пора ей замуж. И деток. Материнский инстинкт у неё будь здоров. Так что... пусть.

— Изверг.

— Угу. Я тебя тоже люблю.

О принятом решении Илья пожалел почти сразу. Не стоило идти на поводу у своего малодушия и желания искупить вину перед Варей. Но как же хотелось ей понравиться...

Она его зацепила, Берестов понял это уже давно. Он никогда не относил себя к людям, склонным к самообману, поэтому честно и откровенно признавался: да, зацепила. Если бы их знакомство оказалось нормальным, он бы попытался построить отношения. И не на один раз...

А теперь дай бог, чтобы Варю от него не тошнило.

Какая ирония судьбы. В семнадцать лет спасти девушку от изнасилования, а спустя те же семнадцать лет самому стать насильником. И плевать, что он не специально. Термина «непреднамеренное изнасилование» в законодательстве не существует.

Вот и придется теперь как можно меньше попадаться ей на глаза. Учитывая стоящие рядом столы, будет сложновато — хотя Варя нашла способ. Его-то он и обнаружил, вернувшись от Юрьевского.

Их столы имели изогнутую форму и соприкасались друг с другом этими «изгибами». На образовавшемся таким образом «аппендиксе» Варя нагородила настоящую башню: пап-

ки с документами, всяческие книги и просто подарки благодарных клиентов. И если раньше, сидя за столом, можно было чуть повернуть голову — и увидеть Варю, то после подобных манипуляций Илья мог лицезреть только её светленькую макушку.

Он, конечно, ничего по этому поводу не сказал. Если ей так легче — пусть.

Сам же Берестов постарался полностью погрузиться в новую работу и не думать больше о Варе. Погружаться получалось, не думать — не очень. Особенно когда она вставала и шла куда-то мимо него, шелестя юбкой и гордо вздёрнув голову... В такие моменты Илья замирал от настигавшего его желания пойти за ней, обнять, поцеловать и заласкать до потери сознания.

Он бы так хотел доказать ей, что умеет не только грубо брать женщину. Но...

Варе эти доказательства были нужны примерно так же, как ему — ещё одна хромая нога.

Где-то через неделю работы Варя поняла, что присутствие Ильи уже не так её раздражает, как поначалу. В первые дни она совершенно не могла сосредоточиться, всё время думала, что он тут, рядом, в двух шагах... Уговаривала себя, успокаивала, но паническая атака — вещь упрямая.

Берестов вёл себя образцово-показательно. Обращался исключительно вежливо и только по работе, не бросал никаких пошлых взглядов — да и взглядов вообще. Словно Варя не человек, а стул.

Разумеется, женская половина коллектива безоговорочно Илью приняла. Ещё бы: красивый, вежливый, да ещё и хроменький. Русская женщина равно жалостливая баба, поэтому охи и вздохи по Берестову были слышны из всех углов. И Варю это немного... бесило. Подумаешь, хромает! Зато мускулатуру себе такую накачал, что хрен отобьёшься...

Но другие девушки и женщины и не собирались отбиваться от Ильи. Наоборот, дарили ему благосклонные улыбки. И всё бы ничего — какое Варе дело до их улыбок? — если бы это происходило не возле её стола. Паломничество к беременному стулу ей не нравилось, походы к Берестову не по работе раздражали.

Хотя, как разумный человек, она понимала, что все в нём нашли.

Пересесть девушка так и не решилась. Не хотела, чтобы по фирме поползли дурацкие слухи. Когда семь лет торчишь в одном и том же углу, а после прихода нового человека сбегашь с насиженного места — это не может не вызывать вопросов, на которые очень не хотелось отвечать.

В общем, так прошла неделя. Варю уже почти не накрывало паникой при виде Ильи. Хотя, как она думала, только из-за того, что он не хватал её за руки и вообще не делал

никаких резких движений.

Удивительно, но после появления на работе Берестова у Вари прошло отвращение к остальным мужчинам. Словно вся негативная энергия сосредоточилась на нём одном, а прочие раздражители были почти забыты и похоронены. Не совсем справедливо, но Варя ничего не могла с собой поделаться.

В понедельник днём прошёл дождь, и, когда она вышла с работы, повсюду были лужи, а местами даже скользко. Варя зашагала к метро — она очень редко ездила на работу на машине из-за вечных пробок — и вдруг увидела прямо перед собой Илью.

Он ведь ушёл десять минут назад. Варя специально дождалась — изучила уже, когда Берестов приходит на работу и когда сваливает. Не хотела сталкиваться в лифте или дверях.

Может, заходил в магазин?

Ну ничего, сейчас мы замедлимся и пропустим его... Пусть бежит...

Вот именно — бежит. Варя нахмурилась, наблюдая за шагающим впереди Ильёй. Что же он настолько себя не бережёт? Хромает, а ходит быстро, побыстрее многих нехромающих. Но ведь так и... грохнуться недолго...

Будто накаркала. Берестов, сходя со ступенек, вдруг поскользнулся и полетел вниз, на асфальт. Сгруппировался, конечно, но всё равно треснулся мощно, и явно больной колен-

кой...

— Ты как? — Варя даже не заметила, что подбежала к Илье и села рядом с ним на корточки. — Помощь нужна?

Берестов поднял голову — и девушка испуганно вздрогнула, вскочила на ноги и попятилась. Показалось, что лицо Ильи искажено яростью...

Но почти сразу поняла: ошиблась. Это была не ярость, а боль.

Которая тут же сменилась обидой и досадой, когда Берестов понял, о чём подумала Варя.

— Нет, спасибо, — ответил он спокойно; лицо его буквально закаменело. — Сам разберусь. Ничего страшного.

А ей было стыдно. За своё поведение, за внезапный испуг. И жалко его...

— Да ладно тебе, — Варя сделала шаг вперёд. — Давай помогу подняться.

— Не нужно. Всё хорошо.

Она вновь хотела возразить, что ничего не хорошо, но застыла, наблюдая, как Берестов проворно принимает упор на кулаки и поднимается... на ногу. Вторую, больную, он поджимал, как делают животные, когда у них болит лапа.

Лицо у Ильи было бледным, даже слегка зеленоватым.

— Хотел, называется, за подарками сходить, — криво улыбнувшись, он кивнул на вход в метро и по совместительству огромный развлекательный комплекс. — У племянницы день рождения в субботу... Сходил. Побежал неуклюже

по невысохшим лужам...

Он явно старался переключить внимание Вари и обратить случившееся в шутку. Но получалось... неуклюже.

— И как ты теперь? — девушка кивнула на поджатую ногу Берестова. — В метро будет не очень удобно.

— У меня тут машина на стоянке. Но повести я сейчас не рискну, оставлю до завтра. На такси доеду. Не переживай, Варя. — Он мягко улыбнулся, заглядывая ей в глаза, и Варя почувствовала, что краснеет. — Не в первый раз. Поезжай домой, не волнуйся. Я сам справлюсь.

Будь это кто-нибудь другой, она непременно настояла бы на своём и помогла. Но Берестова уговаривать принять помощь... нет, это уж слишком.

— Как хочешь, — буркнула, отводя глаза, и уже собиралась уйти, когда Илья вдруг спросил:

— Варя, скажи... если тебе не неприятно об этом говорить, конечно... Почему ты не подала на меня заявление в полицию?

Было неприятно, но Варя всё же ответила:

— А смысл?

Илья слегка нахмурился — не понял. Она вздохнула:

— Не вижу смысла обращаться в полицию. Ну подала бы я заявление, а дальше что? Даже если бы удалось доказать, что ты меня действительно... того самое, а не по обоюдному согласию... ну посадили бы тебя на пару лет. Думаешь, мне было бы легче?

Берестов молчал.

— И это уже не говоря о том, что доказать подобное, когда я к тебе сама пришла, весьма проблематично...

— Я бы не стал отрицать, если бы ты подала заявление.

— Почему? — опешила Варя.

— За свои поступки надо отвечать.

Девушка фыркнула.

— Ах, ну раз ты такой умный... Вот и подал бы заявление сам на себя!

Она развернулась и зашагала к метро. Берестов ужасно её разозлил. Отвечать... ага... на словах-то все готовы... Отвечик, тоже мне... Любитель шлюх грёбанный...

Но если бы в тот момент Варя обернулась... То, возможно, успела бы заметить выражение лица Ильи.

И вспомнила бы, что отвечать за свои поступки можно по-разному.

Как же задолбала эта нога.

И вроде живёт с ней полжизни. А каждый раз, как что-то подобное случается, — будто впервые.

Зря он Варю отпустил. Её рука на самом деле пригодилась бы. Хоть до стеночки дойти, чтобы опереться...

Вот говорили ему много раз: ходи с тростью, идиот. Так нет же, Берестов гордый и совсем не инвалид. Насколько сейчас было бы проще.

А поблизости и палок никаких нет, потому что типа элитный район. Газончик, кустики подстриженные, мусорки вылизанные — и ни одной палки.

— Илья, тебе помочь?

Берестов едва сдержал вздох облегчения, услышав позади голос Сергея Мишина.

— Да, если не сложно. Мне бы хоть до стены дойти.

— Давай я тебя лучше до дома довезу, — предложил Варин начальник. — Я сегодня на колёсах.

— Не обязательно, я могу такси вызвать.

— Да ладно, мне не сложно.

Нога болела всё сильнее, и Илья сдался.

Эх ты, насильник-инвалид. И смех, и грех...

Утром во вторник Берестов явился на работу с тростью, чем в очередной раз покори́л сердца женской половины коллектива. Даже Варю пробило на жалость, хотя она всё ещё очень злилась на Илью. Но видела, что ему больно, и не могла не сочувствовать, а от этого злилась ещё сильнее.

Одна из менеджеров отдела продаж — молодая соплячка лет двадцати — высказала предположение, что Илья притворяется хромым, чтобы цену себе в глазах женщин набивать. Сказала она это при Варе, и девушку скрутило от смеха так, что в глазах потемнело. Остальные, конечно, тоже смеялись, но Варя даже не смеялась — ржала.

— Да ты и так перед ним готова на колени встать с открытым ртом, — сказала она жёстко и с каким-то странным озлоблением увидела, как продажница смущённо вспыхнула. — Зачем ему при подобной внешности ещё и хромым придуливаться? Проще было повязку на глаз нацепить, как пирату...

Конечно, это было грубо, и даже очень. Но кто бы знал, как они её бесили...

А Берестову повязка пошла бы, это стоило признать. Повязка... и шрам. Хороший пират бы получился, как раз для порнофильма.

Мда... на колени с открытым ртом... Позже, вспомнив эту

свою фразу, Варя сама страшно смутилась и даже покосилась на совершенно серьёзного Берестова, который в этот момент рылся в шкафу с документами.

Интересно... а во время минета он своих шлюх тоже... э-э-э... связывает?..

Тьфу, Варя! Какая гадость! Совсем не интересно!

Она отвернулась к компьютеру и недовольно запыхтела. Представить, как Илья трахает в рот какую-то продажную девку, было легко и до ужаса смутительно. И стыдно. И неприятно.

— Варь?

Девушка подняла голову. Прямо перед ней, облокотившись о перегородку, стояла Оксана, один из менеджеров их креативного отдела. Она работала сравнительно недавно и постоянно бегала за консультациями.

— Можно посоветоваться?

«Нет, нельзя...»

— Угу. Что у тебя?

Приободрённая Оксана обошла перегородку и протянула Варе свои зарисовки.

— У меня проблема с рекламой этого свадебного салона. Помнишь? Они хотят необычный ролик на телевидении в прайм-тайм... Я им предложила такой вариант: невеста выбирает свадебные платья, одно-другое-третье... Швыряется ими, а жених за ширмой ловит, и их всё больше, больше и больше... В конце концов она выходит из примерочной, а

жениха уже за этими платьями не видать. Спрашивает: «Ну как тебе?», а он мычит из-под груды одежды: «Волшебно, дорогая!» И слоган: «Воплощаем мечты!»

Варя задумчиво почесала подбородок. Где-то позади, у шкафа с документами совершенно отчётливо хмыкнул Берестов. Дурак, что он понимает в рекламе, особенно свадебных салонов...

— Понимаешь, Ксан... У тебя одно с другим не клеится. Вот идём с конца, со слогана. Чьи мечты-то воплощаем? Девчонки этой, которая платьями швыряется? Или мужика, которого под этими самыми платьями чуть не расплющило? Это для комедии годится, но не для рекламы... Хотя сам сюжет неплох с этими швыряниями, но надо тогда другой диалог придумать, чтобы было не только смешно, но и продаваемо.

— Угу, — Оксана уныло кивнула. — Не клеится... Да, мне Сергей то же самое сказал, почти как ты. Всё, говорит, у тебя рассыпается, как детали от разных пазлов. И чего делать?

— Тут два пути: либо пытаться переделать эту идею, придумав какой-то новый крючок для зацепки телезрителей, либо... генерить новую.

— А вы эти самые идеи принимаете?

Варя вздрогнула, услышав голос Берестова почти над своим ухом. Оксана обернулась и, прежде чем Варя успела ответить, воскликнула:

— Конечно, принимаем! — и глазками похлопала кокетливо так. Ей, незамужней, видимо, хотелось протестировать продукцию этого свадебного салона собственноручно.

— Если у этих ваших заказчиков нормально с чувством юмора, можно сделать так. Мужик в типично свадебном костюме бежит-бежит-бежит, явно куда-то торопится, задыхается от усердий. Вбегает в церковь — мы видим при этом только его — и восклицает: «Надеюсь, я не опоздал?» И тут камера переключается на пару перед алтарём. Сзади они нормальные, а оборачиваются — и спереди вампиры клыки, ещё какая-нибудь хрень... И говорят, улыбаясь во все зубастые рты: «Только тебя и ждали!» И остальных гостей тоже можно показать в вампирских костюмчиках. И слоган: «Свадьбы на любой вкус!»

Если бы Варя могла, она бы сохранила серьёзное выражение лица. Но не получилось. И девушка смеялась до колик, схватившись за живот...

А выпрямившись, заметила, что Берестов смотрит на неё, довольно улыбаясь. Будто бы он это всё рассказал только для того, чтобы её рассмешить.

И Варя смутилась. Опустила глаза, хотела ответить что-нибудь сердитое, но Оксана её опередила, воскликнув:

— Слушай, супер! Шикарная идея!

— Да? — Илья, кажется, удивился. — Вообще я пошутил.

— Смешно, — Варя всё-таки вставила свои пять копеек.

— И даже очень. Только Ксана права, идея отличная. Здесь

ничего не рассыпается, и слоган, с одной стороны, продающий, а с другой — в контексте рекламного ролика смешной. Соответственно, запоминающийся. Но есть проблема...

— Какая? — хором спросили Оксана и Берестов.

— В этом салоне вполне может не быть никаких вампирских костюмов, — улыбнулась Варя. — Но если им понравится идея рекламы, я уверена, они что-нибудь придумают.

Счастливая и обнадёженная Оксана убежала на своё рабочее место, Илья вернулся на своё, и какое-то время Варя только и слышала, что стук клавиатуры.

А потом Берестов вдруг спросил:

— Варя... тебе действительно понравилось?

— Конечно. А почему нет?

— Я ведь пошутил.

— В любой шутке есть только доля шутки...

— Варь, это банально.

— Зато правда.

— Я просто хотел тебя рассмешить.

— Зачем?

— Ты давно не улыбалась. Я заметил.

Она промолчала — не знала, что сказать.

Конечно, Варя улыбалась. Дятлу, отцу и даже Ирине. Но последнюю неделю, под боком у Ильи, ей было не до улыбок.

— Скажи... — голос у Берестова в тот момент звучал глухо и периодически прерывался, словно у него болело горло.

— Я... очень больно тебе сделал?

Варя всхлипнула и изо всех сил сжала карандаш. Потом бросила его на стол, вскочила и побежала к выходу, не разбирая дороги.

Ну зачем, зачем он спросил?! Она уже почти научилась не вспоминать...

Илья в последнее время не уставал ругать себя.

Кажется, он всё делает не так. Надо было уволиться, а он остался.

Нужно было промолчать насчёт заявления в полицию, а он не смог.

И сейчас...

Берестов, ты идиот.

Может, ты, придурок, таким образом ищешь себе оправдание, а? Мол, если девушка не пошла в полицию, значит, ей понравилось?

И боль... Илья помнил, как хлупало у Вари между ног, когда он её... насиловал. И в глубине души жила глупая надежда, что физически больно ей не было. Ну или хотя бы не очень сильно.

Дебил ты, Берестов. Оставь её в покое. Даже если и имелась смазка, это тебя не оправдывает. И Вале вряд ли легче.

Как ни ругай себя, иногда слова вырываются помимо желания. Но слова — не действия. За слова максимум по морде можно получить.

Илья совершил преступление, и осознание этого порой удручало так, что хотелось зайти на кухню, взять самый боль-

шой нож и воткнуть его себе в глотку. А лучше — в пах.

Он всегда презирал насильников и насилие — деяние слабых и недостойных, действие, которому не может быть оправдания. А сам-то что устроил?

Берестову почти никогда ничего не снилось. Обе его сестры взахлёб рассказывали о своих снах, порой напоминавших целые книги или фильмы. Илья же просто ложился — и отрубался.

Но теперь... Несколько дней подряд, стоило только опустить голову на подушку — и перед глазами возникало искажённое, залитое слезами лицо Вари, её белая попа со следом от его ладони, и Илья чувствовал, как бешено таранит её тело...

Берестов даже тот самый стол выбросил. И кляп, и вообще все свои секс-игрушки. Варя будто бы сделала ему прививку от прежних привычек.

Не хотелось ничего. Тем более шлюх.

Что-то в нём сломалось. И Илья знал точно: это «что-то» никогда не починится.

.

Варя вернулась минут через двадцать. Глаза у неё были слегка красные, и Берестову захотелось придушить самого себя галстуком.

До конца дня он старался с ней не разговаривать. Даже ходил практически на цыпочках — и то видел, как при ма-

лейшем его движении напрягалась спина девушки.

А вечером, когда Илья уже собирался уходить, возле их перегородки встал грустный-прегрустный Сергей Мишин.

— Что-то случилось? — сразу же озаботилась Варя, и Берестов не смог удержаться от улыбки. Он давно заметил, какая она сердобольная.

— Да ничего особенного, — вздохнул Сергей. — У Риты скоро девятый месяц пойдёт... А она сейчас позвонила: говорит, принесла с улицы собаку. Зря я её с Максом подружил, теперь они будут дружить против меня. Это он у нас любитель блохастых существ с улицы тащить... но я не думал, что на подобное способна беременная женщина!

— Беременная женщина способна на всё! — рассмеялась Варя. — Смирись, шеф. А ты её уже видел?

— Угу, — кивнул Мишин, мрачней ещё больше. — Ромашка мне фотографию прислала. Показать?

— Покажи, конечно!

Да, Варя любопытна. Впрочем, таковы все женщины.

Сергей достал телефон, перелистнул что-то на экране.

— Илья, ты тоже иди сюда, — позвал Берестова Мишин. — Зрелище того стоит.

Илья осторожно приблизился, стараясь встать как можно дальше от Вари. Но она всё равно напряглась, даже улыбка застыла на лице, как маска клоуна.

На фотографии был запечатлён стоявший в ванне очень большой, очень лохматый и очень грязный пёс. Он ужасно

походил на Джека, любимую собаку Ильи. Джек погиб в ту ночь, когда Берестов навсегда остался хромым калекой.

— Какая жалобная мордашка, — засмеялась Варя, расслабляясь. — Он явно не любит водные процедуры.

— Рита всегда мечтала о такой собаке, — тоскливо вздохнул Мишин, собственным выражением лица до безумия напоминая пса на фотографии. — Недавно призналась. Я сразу понял: дело пахнет керосином...

— Скорее, псиной, — фыркнула Варя.

— Очень надеюсь, что к моему приходу он уже перестанет пахнуть псиной, — скривился Сергей. — Как думаешь... может, надо состричь всю эту шерсть?

— Ни в коем случае, — резко сказал Илья и чертыхнулся про себя, заметив, как вздрогнула Варя. — Колтуны срежьте, помойте, но стричь не надо. Надо вычесывать. Иначе опять будут колтуны... И ошейник от блох обязательно купите, и прививки нужно сделать.

Несколько секунд Варя и Мишин удивлённо смотрели на Берестова, а потом Сергей протянул:

— Илья, у тебя есть собака? Ты эту новость на будущее прибереги для Юрьевского, если накосячишь. Он очень любит животных. Гораздо больше, чем людей. И если у тебя есть собака, он тебе что угодно простит.

— Нет, — Илья покачал головой, ловя себя на мысли, что его завораживают Варины ресницы... даже забыл, что хотел сказать. Ах да... — Сейчас нет, но была. Вот такая же, прям

один в один... Джеком звали.

— Это точно не Джек. Рита написала, что вроде бы девочка. Предложила придумать имя. — Мишин закатил глаза, явно больше придуриваясь, чем от реального возмущения. — Я ребёнку-то имя придумать не могу, а тут целая собака...

— А давай я придумаю! — вдруг заулыбалась Варя. — Мне тоже всегда хотелось собаку, но у папы на животных аллергия. А потом Дятел... то есть Кеша родился, и стало не до собак. Назовите её Радой. Рада, Радость. Если Рите понравится, я буду рада.

— Я думаю, понравится, — задумчиво сказал Сергей. — Ей сейчас всё нравится. На редкость благодушное настроение... Потом наверняка опять будет скакать, но пока у нас дома мир и покой.

— Значит, вам как раз не хватало собаки, — усмехнулся Илья. — С собакой мир и покой становятся ещё лучше.

Мишин очень внимательно посмотрел на него.

— А вот эту Максу скажешь, если захочешь пойти во внеплановый отпуск. Подпишет не глядя.

Больше Берестов не спрашивал у Вари про больно — не больно. Ни в этот день, ни на следующий. И вообще вёл себя так, как девушку устраивало: обращался к ней только по работе, ходил тихо, привычно шаркая одной ногой, и почти всё время молча батрачил за баррикадой, отлучаясь только в туалет, на обед или к генеральному за какими-то разъяснениями.

А Варя то страшно злилась, то ощущала какую-то непонятную, вымораживающую все её чувства и мысли апатию по отношению к Илье и ко всему белому свету. Часто хотелось плакать. Просто так, безо всякой причины. Может, причина и была, просто Варя не желала о ней думать.

Она устала. Устала от постоянного напряжения, от жалости к себе, от злости на Илью. Варя всегда была доброй и позитивной девочкой, она не привыкла долго ненавидеть. И сейчас тоже хотелось поскорее забыть и отпустить, но... это оказалось выше её сил.

Она даже немного завидовала коллегам-женщинам. Они вовсю заигрывали с Берестовым, строили глазки, кокетничали. В такие моменты Варя чувствовала сильнейшее эмоциональное опустошение.

А ещё ей было стыдно за свою резкость. В понедельник, когда они все обсуждали Илью, Варю сорвало, и совершенно зря. Она, конечно, извинилась, но стыд никуда не делся.

Коллеги ведь ни в чём не виноваты. Но от этого почему-то не легче.

Грешным делом она сама начала подумывать об увольнении...

.

В пятницу ударила жара. Не настала, а именно ударила: только что на улице было тепло и свежо, и вдруг — плюс тридцать.

С самого утра у Вари болела голова. Так всегда бывало при резком изменении погоды, она уже привыкла. Головокружение, скачки давления, тяжесть в затылке и будто бы сжатые в железных тисках виски. Неприятно, но не смертельно.

«Ага, как изнасилование, — мрачно подумала она, заходя в офис. — Неприятно, но не смертельно».

Настроение было отвратительным. В таком состоянии только рекламу ритуальных услуг придумывать. Жаль, что эти самые услуги в рекламе не нуждаются...

Варя немного опоздала; Берестов уже был на работе. Стараясь не смотреть на него, она плюхнулась на своё место, врубила комп и угрюмо уставилась на заставку загружаемой винды.

— Привет, Варя, Илья! — К перегородке подошла Люда, одна из немногих коллег женского пола, что не заигрывала с Берестовым по причине наличия любимого жениха. — Варь, ты чего такая хмурая? Пятница же!

— А для некоторых даже тятница, — пробурчала Варя. — Ерунда, Люд. Голова болит немного, вот и расклеилась. Сейчас как начну работать над очередным заказом, так придётся обратно склеиться...

— Может, таблетку?

Варя поморщилась.

— Да пила я уже. Мне эти таблетки что мёртвому баня. Как однажды сказал мой папа: «Ты столько колёс не пей, а то они превратятся в крылья и вознесут тебя в небо».

Люда хихикнула.

— С тех пор я стараюсь ограничивать себя. Не хочется глюки ловить... или, того хуже, самой глюком стать. Выпила парочку, вот теперь жду, пока пройдёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.